

Патрушев Сергей

Тьма души

Сергей Патрушев

Тьма души

«Автор»

2026

Патрушев С.

Тьма души / С. Патрушев — «Автор», 2026

Император мёртв, но его трон пуст не будет. Леон Атрей — идеальный палач с дырой вместо души спустился в подземелья столицы, чтобы убить Древнее Зло. Но Белый Фарфор оказался лишь приманкой. Настоящий враг ждал на троне. Чтобы выжить и победить Бога-Императора Дрейка, Леон вынужден поглотить всю Бездну Империи. Теперь он сам стал Пустотой, способной уничтожить мир одним желанием. Его тело — механизм из боли, а душа выгорела дотла. Но во тьме его нового безумия горит только один золотой маяк — целительница Элизабет. Сможет ли свет одной смертной удержать монстра от падения? Или финал спасения мира станет началом конца для них обоих?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Тень Императора	5
Глава 1. Черный клинок Империи	11
Глава 2. Взгляд в бездну	17
Глава 3. Случайная встреча	27
Глава 4. Таверна «Пьяный Грифон»	35
Глава 5. Первое свидание в парке	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тьма души

Пролог. Тень Императора

Ночь в столице Империи Дарк пахла гарью, мокрым камнем и отчаянием. Внизу, у подножия Черной Шпили, где высился дворец Императора, пульсировал вечный праздник — огни факелов выхватывали из темноты золотые шпили, пьяные крики гвардейцев сливались с визгом флейт уличных музыкантов. Там жизнь была ключом, щедро оплачиваемая кровью окраин. Здесь, на Крысиных Ярусах, куда не доставал свет имперских фонарей, царила абсолютная, осязаемая тишина.

Леон стоял на карнизе шириной в ладонь, прижимаясь спиной к влажному граниту. Под ним разверзалась бездна в сорок локтей, вымощенная булыжником и телами тех, кто однажды оступился во сне. Но бездна его не пугала. Пугало то, что находилось внутри него самого.

Приказ пришел за час до полуночи. Не свиток, запечатанный сургучом, и не шепот связаного. Холодное касание чужого разума скользнуло по затылку Леона, раздвинуло кости черепа, словно шелуху, и вложило знание прямо в центр боли. Граф Матиас Ренар. Третий ярус, доходный дом «Уснувшая чайка». Окно спальни выходит во внутренний колодец двора. Устранить тихо. Забрать долг.

Граф предал Корону. Он продавал зерно мятежным провинциям Севера и укрывал беглых магов. Обычная история для человека, чья родословная была длиннее летописи самой Империи. Император не терпел двойных игр, но еще больше он не терпел пустоты там, где должна быть абсолютная верность. И когда аристократ ломался под тяжестью собственной алчности или страха, приходил Леон. Тень Императора. Его личный палач, которого официально не существовало ни в одном реестре Тайной канцелярии.

Леон выдохнул. Пар изо рта не вырвался — воздух вокруг него просто перестал существовать как тепло. Температура упала на десять градусов. Это было первое предупреждение мира о том, что сейчас произойдет невозможное.

Он закрыл глаза.

Тьма не накрыла его. Она *вытекла* из него. Густая, маслянистая чернота сорвалась с краев его плаща, впилась в серый гранит стены и потекла вверх, против законов физики. Камень под пальцами Леона потерял плотность. Для обычного человека этот участок стены оставался монолитным, но для Леона он стал вязким, как теплый воск. Шаг вперед — и камень принял его ногу, обнял подошву сапога, а затем бесшумно сомкнулся за спиной. Еще шаг. Теперь он был частью кладки. Снаружи остался лишь едва уловимый оптический обман — легкое дрожание воздуха, которое уставший ночной стражник списал бы на игру воображения после третьей кружки эля.

Перемещение сквозь тени требовало идеальной концентрации. Одно неверное воспоминание, одна лишняя мысль о доме — которого у него никогда не было — и тень выплюнет тебя на середине пути. Выплюнет твердым камнем, превратив в кровавую лепешку между вторым и третьим ярусом. Леон очистил разум. Осталось только холодное лезвие цели: окно графа Ренара.

Путь занял три удара сердца.

Мир мигнул. Серый гранит сменился бархатной темнотой дорогой ткани. Леон материализовался уже внутри, стоя на толстом умбийском ковре. Комната пахла лавандой, старым пергаментом и кислым страхом.

Граф Матиас сидел за дубовым столом. При свете единственной свечи он лихорадочно жег бумаги. Огонь жадно пожирал края писем, освещая бледное, одутловатое лицо аристократа. Руки графа тряслись так сильно, что капли расплавленного воска падали на столешницу,

застывая уродливыми черными язвами. Он знал, что за ним придут. Знание висело в воздухе плотной, липкой паутиной.

Леон позволил себе стать видимым.

Это выглядело не как появление человека из-за шторы. Плотная тьма в углу комнаты напротив стола начала сгущаться, втягивая в себя скудный свет свечи. Она уплотнялась, обретая гуманоидные очертания, пока не сформировала высокую фигуру в тяжелом дорожном плаще. Капюшон скрывал лицо, оставляя лишь два провала там, где должны были быть глаза. Провалы сочлились густым фиолетовым мраком.

— Ты опоздал, — хрипло бросил граф, даже не повернув головы. Он продолжал методично отправлять в пламя очередной конверт. — Или ты всегда так эффектно появляешься? Ждешь, чтобы я наложил в штаны от ужаса?

В голосе Матиаса не было смелости. Была истерика загнанного зверя, которая маскируется под дворянскую спесь. Леон сделал плавный шаг в сторону. Старые доски пола под его ногами не скрипнули. На них не осталось следов пыли.

— Приказ Императора, — голос Леона звучал безэмоционально. Он не использовал связки, звук рождался где-то в глубине грудной клетки и выходил наружу вместе с холодом могилы.

Граф наконец обернулся. Увидев истинную форму своего убийцы, он подавился воздухом. Его губы затряслись, пытаясь сложиться в молитву давно забытым богам. — Нет... Только не ты. Говорят, ты крадешь души. Сказки нянек... — Это не сказки, Матиас, — Леон медленно извлек из-под плаща клинок.

Черный бастард казался куском первородной ночи, которому придали форму оружия. У него не было блеска стали. Лезвие поглощало свет свечи, делая саму комнату чуть тусклее. Рукоять, обмотанная кожей, которую содрали с ладони живого изменника, казалось мягкой и теплой, но эта теплота была обманчивой — она вытягивала жар из руки владельца.

— Император милостив, — продолжил Леон, сокращая дистанцию. Каждый его шаг давил на барабанные перепонки графа низкочастотным гулом. — Он не хочет твоей крови на своих руках. Кровь грязнит тронный зал. Он хочет твою суть.

Матиас вскочил, опрокидывая стул. В его руке блеснул кинжал — жалкая зубочистка против воли Императора. Аристократ бросился вперед с отчаянным криком, вкладывая в удар всю свою ничемную жизнь.

Леон не сдвинулся с места. Он просто позволил своей тени удлиниться. Тень графа, метнувшаяся по стене, внезапно ожила. Она отделилась от хозяина, взметнулась вверх подобно щупальцу гигантского кальмара и обвила запястье Матиаса с хрустом ломающихся костей. Кинжал со звоном упал на каменный пол. Вторая тень заткнула графу рот, впиваясь в горло тысячей невидимых игл.

Настоящий Леон оказался перед ним быстрее, чем моргает человеческий глаз.

Черный клинок вошел точно под левую ключицу, минуя ребра. Никакого сопротивления плоти. Оружие прошло сквозь тело графа, как сквозь густой туман, остановившись лишь у позвоночника.

Смерть наступила мгновенно. Сердце Матиаса Ренара остановилось. Его глаза остеклели, глядя в пустоту за плечом Леона.

Но это было лишь начало работы.

Леон провернул клинок ровно на четверть оборота.

Из раны не хлынула кровь. Вместо нее из груди поверженного графа начал просачиваться густой, дымчатый пар цвета индиго. Это не было душой в религиозном понимании. Это был информационный слепок, ядро личности, страхи, воспоминания и та самая искра эго, которая делает человека человеком. Древние называли это Эфирным Резонансом. Леон называл это «долгом».

Свеча на столе погасла, хотя сквозняка не было. Воздух в комнате стал тяжелым, как вода на дне океана.

Леон отпустил рукоять. Черный клинок остался торчать в теле графа, пригвоздив его к материальному миру. Свободной рукой палач схватил клубящийся дым прямо в воздухе.

И началось поглощение.

Холод.

Сначала это было привычное покалывание морозного ветра на коже. Затем ледяные иглы вонзились в кончики пальцев. Холод пополз выше по предплечьям, выжигая линии вен жидким азотом. Каждая капля чужой памяти, каждое чувство, каждый секрет графа Матиаса Ренара устремились в руку Леона.

Память о первом поцелуе с рыжеволосой служанкой в летней беседке. Горький вкус дешевого вина на губах. Липкий ужас при чтении перехваченных писем северян. Радость от удачно подделанного завещания дяди. Все это вливалось в Леона раскаленным свинцом, сжигая его собственные воспоминания, чтобы освободить место для чужих.

Его сердце, давно ставшее механическим насосом, пропустило удар. Потом второй. Кожа натянулась на скулах, приобретая мертвенно-серый оттенок. Глаза под капюшоном вспыхнули ярче, впитывая фиолетовый огонь. Чем больше сгустков тьмы он поглотил за свои тридцать лет службы, тем меньше человеческого в нем оставалось. Сейчас, держа в кулаке душу предателя, он чувствовал, как граница стирается окончательно. Если собрать достаточно таких душ, можно перестать дышать. Перестать спать. Перестать быть.

Лед сковал грудную клетку. Боль была невыносимой, очищающей. Именно в этой агонии распада собственного «Я» Леон чувствовал себя наиболее живым. Чужая вина становилась его виной. Страхи графа становились его кошмарами.

Дым почернел, свернулся в тугой шар размером с яблоко и с тихим всхлипом втянулся в ладонь Леона.

Клинок сам собой выскользнул из тела. Граф Матиас Ренар рухнул на ковер бесформенной куклой. Из уголка его рта стекла тонкая струйка черной смолы — физическое воплощение того, что теперь принадлежало Императору.

Леон отступил на шаг. Комната качнулась. Пол под ногами показался зыбким. Он оперся рукой о стену, чтобы не упасть. Холод никуда не ушел. Он обосновался глубоко в костном мозге, напоминая, что сегодня вечером Леон убил еще одну часть себя ради спокойствия Империи.

На месте поглощенной души осталась пустота. Легкая вибрация в эфире, которую чувствовали только одаренные. Леон протянул руку над телом графа. Ему не нужны были деньги или драгоценности покойного. Ему нужен был маркер исполнения.

Воздух над трупом задрожал. Из указательного пальца Леона вытянулась тонкая нить черного света. Она коснулась лба мертвеца и начертила сложный символ, похожий одновременно на сломанную корону и паука. Печать Императора. Метка, означающая, что долг взят полностью. Теперь никто — ни некроманты Юга, ни жрецы Света — не сможет поднять этого человека. Его суть растворена в сосуде Тени.

Работа закончена.

Леон не стал прятать клинок. Он просто позволил ему растечься по руке черной ртутью, которая втянулась обратно в поры кожи. Очередная доза чужого безумия обжигала вены.

Он подошел к разбитому окну, выходящему во двор-колодец. Внизу, в грязи, копошились крысы, делившие остатки чьего-то ужина. Леон перекинул ногу через подоконник.

Прежде чем раствориться в ночном мраке столицы, он бросил последний взгляд на кабинет. Свеча на столе снова загорелась сама собой, выхватив из темноты лицо мертвого графа. Выражение на нем изменилось. Исчезла аристократическая надменность, исчез живот-

ный страх. На лице Матиаса Ренара застыло странное, почти блаженное спокойствие. Будто смерть от клинка Тени была самым желанным освобождением в его бессмысленной жизни.

«Скоро ты присоединишься к нему», — прошелестел знакомый холодный голос в голове Леона. Голос Императора не спрашивал разрешения войти. Он жил в той части мозга, где раньше хранились детские мечты. — «Чувствуешь? Твой резервуар почти полон. Еще десяток таких долгов, и твоя оболочка станет достаточно хрупкой, чтобы принять меня целиком».

Леон ничего не ответил. Ответа от инструмента не требуется.

Он шагнул назад, в глухую стену дома. Камень расступился, принимая его в свои объятия, смыкаясь за спиной с глухим звуком, неотличимым от биения замерзшего сердца.

Ночь в столице Империи Дарк продолжила свой бесконечный пир.

Обратная дорога во дворец заняла вдвое меньше времени. Когда цель ясна, а воля направляющего абсолютна, пространство перестает сопротивляться. Леон перемещался по капиллярам города — канализационным тоннелям, пропахшим нечистотами, заброшенным катакомбам времен Войны Раскола и тeneвым тропам, доступным лишь тому, кто добровольно променял свою человечность на силу Первозданного Мрака.

Чем ближе он подходил к Черной Спилю, тем сильнее менялся фон реальности. Запахи гниения и сырости отступали. Воздух становился стерильным, лишенным примесей, сухим и колким, как стекло. Магические светильники здесь горели ровным платиновым светом, который не давал теней. Для Леона, сотканного из этих самых теней, коридоры верхних уровней дворца были пыткой. Он чувствовал себя призраком, идущим сквозь кислотный дождь — каждая вспышка платинового огня оставляла на его ауре микроожоги.

Стража Внутреннего Кольца — Золотые Безликие — стояла через каждые двадцать шагов. Закованные в адамантиновую броню гиганты ростом под семь футов. Их лица скрывали маски из зачарованного золота, отражающие не внешность смотрящего, а его самые потаенные грехи. Проходя мимо них, Леон видел в отполированном металле не свое отражение, а искаженную маску графа Ренара в момент проникновения клинка. Золотые Безликие синхронно поворачивали головы вслед за ним, издавая низкий механический гул сервоприводов, но не делали попыток преградить путь. Они знали, кто он. Вернее, они знали, кем является тот, кто идет внутри Леона.

Тронный Зал Бесконечной Ночи встретил его вакуумом звука.

Огромное помещение могло бы вместить полк тяжелой пехоты, выстроенный в каре. Куполообразный потолок был инкрустирован живой картой звездного неба, которая менялась в реальном времени, показывая движение созвездий над Империей. Стены, выложенные обсидианом, поглощали любые звуки. Даже шаги самого Леона, обычно абсолютно беззвучные, здесь отдавались едва слышным шорохом трущейся друг о друга пустоты.

В дальнем конце зала, на ступенчатом возвышении, стоял Трон. Он не был вырезан из дерева или выкован из металла. Казалось, что он собран из переплетенных теней погибших миров, скрепленных волей одного существа. Сидящий на нем источал давление, способное сплющить боевого голема.

Император не носил короны. Ему не нужны были символы власти, когда сама реальность склонялась перед ним. Высокий, облаченный в черный сюртук без единого знака отличия, он выглядел как учитель, принимающий провалившего экзамен ученика. Его волосы цвета воронова крыла были идеально уложены, а руки с длинными музыкальными пальцами спокойно лежали на подлокотниках. Лишь глаза выдавали его природу. В них не было белков или зрачков — только вращающиеся галактики первородной тьмы, удерживаемые в орбитах человеческой формы титаническим усилием.

Рядом с тронем, скрытая в глубокой тени колонны, стояла фигура поменьше. Архитектор Вейл. Глава Тайной канцелярии. Человек, который собирал приказы Императора и переводил их на язык крови. Он слегка кивнул Леону, подтверждая прием миссии.

Леон вышел в центр зала, туда, куда падал единственный луч холодного лунного света из скрытого окна в куполе. Он опустился на одно колено. Традиция, лишённая смысла уважения, но необходимая для калибровки иерархии.

— Долг взыскан, Ваше Величество, — произнес Леон. Его собственный голос сейчас казался ему чужим, слишком плоским после пережитой бури эмоций графа.

— Встань, — голос Императора не отразился от стен. Он возник прямо в центре черепа Леона, заставив зубы заныть от вибрации. — Докладывай. Что ты взял вместе с его сутью?

Леон поднял голову. Смотреть в глаза сидящему на троне было все равно что смотреть в жерло действующего вулкана, состоящего из антиматерии. — Предательство было оплачено Севером. Но золото волновало его меньше всего. Ренар боялся вас, сир. До животного безумия. Но еще больше он боялся старости. Последнее, что я почувствовал перед полным поглощением — его желание умереть молодым, сохранив иллюзию контроля. Он считал вашу власть абсолютной тюрьмой.

Император медленно наклонил голову набок. Уголок его тонких губ дернулся вверх в подобии улыбки, от которой температура в зале упала еще на несколько градусов. — Иллюзия контроля... Какая забавная концепция для насекомого. Скажи мне, Леон, а чего боишься ты?

Вопрос был оружием. Проверкой. Леон годами выстраивал внутреннюю цитадель именно против таких вопросов. — Я боюсь не справиться с вашим следующим приказом, сир.

— Ложь, — мягко констатировал Император, и невидимая рука сжала легкие Леона. Броня абсолютной выдержки дала трещину. Воздух отказывался входить в грудь. Перед глазами поплыли черные круги. — Ты вообще ничего не боишься, мальчик. Потому что ты почти мертв. Ты боишься того дня, когда последняя крупинка тепла покинет твое тело, и ты станешь мной. Моим идеальным отражением. Разве не этого мы добиваемся? Совершенства.

Давление исчезло так же внезапно, как и появилось. Леон судорожно вдохнул, хватая ртом пустой, стерильный воздух. Колени дрогнули, но он удержал равновесие.

— Архитектор, — Император перевел взгляд черных дыр на Вейла. — Подготовь новый вектор. Нашего общего друга на границе с Вольными Городами пора встряхнуть. Герцог Орис собирает армию. Он думает, что мои легионы увязли на Севере. Покажи ему ошибочность его расчетов. Используй Четвертый Штрафной легион и... нашего друга. Пусть Леон возглавит авангард. Мне нужно, чтобы к рассвету город Альтус перестал существовать. Не разрушен — стерт. Вместе с памятью о нем. Сделайте так, чтобы само время забыло эту точку на карте.

Вейл молча склонился в глубоком поклоне и растворился в тенях у стены, которые вдруг стали гуще остальной темноты.

Леон остался стоять под лунным лучом. Внутри него ворочался тяжелый, ледяной ком — душа графа Матиаса Ренара. Она прижилась в районе желудка, вызывая тошноту и фантомный привкус старого вина. Каждое такое внедрение расширяло границы его возможностей, позволяя теням становиться гуще, а перемещения — дальше. Но цена росла пропорционально. Скоро ему перестанет требоваться сон. Потом еда. А потом он посмотрит в зеркало и не увидит там ничего, кроме движущейся тьмы.

— Ты хорошо послужил, — сказал Император, отворачиваясь. Разговор был окончен. — Иди. Готовься. Альтус ждет моей справедливости.

Леон снова склонил голову. — Ваша воля — моя кровь, сир.

Он развернулся и пошел к выходу. Платиновые огни вдоль стен причиняли физическую боль, выжигая сетчатку. Но он не зажмурился. Позволить себе слабость перед лицом источника силы было недопустимой роскошью.

Когда тяжелые двери Тронного Зала закрылись за его спиной, отрезая его от колоссального давления Императора, Леон впервые за ночь позволил себе замедлить шаг. Он прислонился лбом к холодному обсидиану стены в пустом коридоре.

Рука сама поднялась к груди. Пальцы сжались на том месте, где под плотной тканью плаща и кожаной подкладкой брони билось сердце. Оно стучало редко, с перебоями, гоня по венам смесь его собственной остывшей крови и эссенции убитого предателя.

— Еще один город, — прошептал Леон в пустоту. — Еще одна ночь.

Где-то глубоко внутри, в той крошечной камере, которая еще оставалась «Леоном», а не функцией убийства, маленькая девочка, которой он когда-то был, горько заплакала над судьбой города Альтус. Но ее слезы тут же превращались в черный лед, не успевая коснуться щек.

Тень Императора вернулась в свою вечную ночь, чтобы нести рассвет другим. Тем, кому повезет увидеть его лишь издали, прежде чем их поглотит назначенная свыше тьма.

Глава 1. Черный клинок Империи

Путь от Тронного Зала до казарм Теневого Корпуса занял у Леона меньше времени, чем требуется свече, чтобы оплыть на дюйм. Он не шел коридорами — он проваливался в них. Обсидиан стен дворца был пропитан памятью тысячелетий, страхами заговорщиков и эхом предсмертных хрипов. Для любого другого эти камни были мертвы. Для Леона они дышали.

Он шагнул в собственную тень посреди пустого перехода, миновав посты Золотых Безликих, и вывалился из мрака прямо в тренировочный полигон под Северной башней. Здесь пахло озоном, жженым железом и застарелым потом.

Полигон представлял собой идеальный круг диаметром в сто локтей, высеченный в цельном базальте. Потолок отсутствовал, открывая вид на вечно багровое небо Дарка, рассекаемое беззвучными молниями магических штормов. Вдоль стен стояли манекены из зачарованного адамантина, покрытые глубокими шрамами. Сейчас здесь было тихо. Только трое бойцов его группы отрабатывали связки с парными кинжалами. Их движения были смазанными пятнами для обычного глаза, но Леон видел каждое сокращение мышцы.

— На пол, — бросил он.

Голос прозвучал негромко, но акустика подземелья превратила его в удар кувалды. Бойцы замерли на полушаге, развернулись синхронно, как единый механизм, и рухли лицами вниз, раскинув руки. Дисциплина была абсолютной. Они боялись его больше, чем смерти, потому что смерть была концом, а гнев Леона мог растянуть их существование на вечность невыносимой боли.

Из тени оружейной стойки выступил человек без доспехов. Маркус. Старший сержант. Единственный, кому разрешалось смотреть Леону в глаза дольше трех секунд. Его лицо напоминало старую карту: пересеченное шрамами, с выжженным на левой скуле клеймом дезертира, которое он когда-то получил в другой жизни. — Мы ждали тебя после «Чайки», — сказал Маркус, протягивая тяжелый кожаный тубус. — Архитектор Вейл прислал это час назад. Сказал, вскрыешь только по возвращении от... него.

Леон принял тубус. Кожа неприятно холодила пальцы, словно была вытянута из глубокой ледяной пещеры. Внутри ощущалась пульсация сдерживаемой магии. Печати Императора на горловине выглядели обычными сургучными нашлепками, но при попытке сломать их без нужного ключа человека просто стерло бы из реальности вместе с одеждой.

Леон раздавил печати одним движением большого пальца. Сургуч осыпался черным пеплом. Внутри оказался не пергамент. Там лежал кристалл памяти — гладкий кусок вулканического стекла размером с кулак ребенка. По его граням змеились тонкие серебряные нити.

— Что там? — спросил Маркус, хотя знал, что ответ ему не понравится. — Альтус, — ответил Леон. Слово упало между ними, как камень в колодец. — Император хочет, чтобы город исчез. Не разрушен. Стерт. Вместе со временем.

Маркус медленно перекрестился старым жестом Света, который сохранился у солдат еще со времен Имперской экспансии, хотя сами солдаты давно забыли, какому богу молятся. — Весь город? Сто тысяч душ? — Время сотрет память о нем, — поправил Леон. Механический тон давался ему все тяжелее; душа графа Ренара ворочалась внутри, вызывая фантомную боль в челюсти. — Жителей заберет моя работа. Выступаем через два часа. Проверь снаряжение легиона. Мне нужны чистые клинки.

Маркус кивнул и растворился во тьме боковых проходов, выкрикивая приказы дежурным. Леон остался один в центре круга. Он подошел к стойке в дальнем конце полигона.

Там, закрепленный на специальных магнитных замках, висел его клинок. Тот самый Черный бастард, которым он пронзил графа. Но сейчас оружие находилось в своей пассивной форме — оно выглядело как обычный потертый ножны из черной кожи, пристегнутые к поясу.

Истинный облик меча проявлялся только тогда, когда Леон позволял внешней тьме заполнить свои легкие.

Он отстегнул ножны. Рукоять легла в ладонь привычно и пугающе естественно. Казалось, что металл растет прямо из костей его предплечья.

Леон закрыл глаза и потянулся к артефакту разумом. Клинок отозвался мгновенно. Это был не инструмент. Это был паразит, симбионт, древняя сущность, запертая в форме стали Императором тысячу лет назад ради создания идеального оружия. Меч жаждал. Каждая поглощенная душа делала его голоднее. Сейчас, после Ренара, от клинка исходили волны почти физического удовольствия.

«Слабый», — прошелестел голос в голове Леона. Голос принадлежал не Императору. Он принадлежал самой Бездне, смотревшей сквозь прорезь забрала. — *«Его страхи были мелкими. Торговля зерном. Старость. Ты размяк, носитель. Тебе нужна настоящая битва».*

— Заткнись, — процедил Леон вслух.

Клинок вибрировал от смеха. Леон проигнорировал его. Он поднял левую руку, выставив ладонь параллельно полу. Нужно было проверить баланс собственного эфира перед заданием такой сложности. Уничтожение города требовало колоссальных затрат внутренней тьмы.

Он сосредоточился на точке чуть выше пупка. Представил там холодный уголек. Уголек вспыхнул, превращаясь в гудящее синее пламя. Ощущение было похоже на то, как если бы кто-то залил кипящий свинец в брюшную полость. Магия Леона никогда не была теплой или созидательной. Она всегда несла печать распада.

Пламя вырвалось из ладони невидимым лучом. Оно ударило в ближайший адамантиновый манекен. Металл даже не покраснел. Он начал *шелушиться*. Адамантин — самый прочный сплав в мире, способный выдержать удар дракона — под воздействием силы Леона постарел на десять тысяч лет за секунду. Он покрылся сеткой трещин, рассыпался в рыжую труху и осыпался на базальт пола кучкой праха.

Леон тяжело выдохнул. Контроль был идеальным. Резервуар полон на три четверти. Оставшейся четверти хватит, чтобы утопить Альтус в собственной тени.

Внезапно кристалл памяти в его правой руке нагрелся докрасна. Серебряные нити на его поверхности вспыхнули слепящим светом. Леон едва успел зажмуриться.

Пространство вокруг него дрогнуло. Полигон исчез. Запах пота и жженого камня сменился запахом старой пыли, ладана и животного ужаса.

Леон стоял посреди тесной комнаты без окон. Деревянные панели на стенах покрывала резьба, изображающая сцены охоты Единого Бога на демонов Низших Кругов. Под ногами скрипели половицы дешевого дубового паркета. Единственное освещение давал канделябр на столе, где истекали воском толстые свечи.

Напротив Леона, вжатое спиной в книжный шкаф, сидело существо, некогда бывшее человеком. Пожилой мужчина в серой ливрее имперского смотрителя архивов. Его лысина блестела от пота, дорогие кружева на воротнике сбились набок, а борода мелко дрожала. Глаза мужчины были расширены так, что радужку почти не было видно — сплошная белая паника.

Архитектор Вейл нашел самого эффективного способа доставки сообщений. Прямая проекция сознания. Вместо того чтобы писать отчеты, он швырял Леона прямо в голову свидетелю.

— Кто ты?! — взвизгнул смотритель, пытаясь отползти дальше, но наткнулся спиной на стекло шкафа. — Милосердные духи, твоих глаз нет! Где твои глаза?!

Леон осмотрел себя глазами старика. Проекция работала безупречно. Для смотрителя он не был человеком в плаще. Он был силуэтом, вырезанным из живой ночи. Из-под капюшона вместо лица сочился густой фиолетовый туман, в котором вращались две черные воронки, затягивающие свет свечей.

— Меня зовут Ответ, — ровным голосом произнес Леон. Ложь была частью протокола. — Я пришел из Канцелярии по вопросу недостачи.

— Недостачи? — просипел старик. — Вы пришли за моей душой? Я исправно платил десятину! Я водил детей в храм!

— Храм не спасает от долгов перед Императором, — Леон сделал плавный шаг вперед. Пол под ним не скрипнул, хотя доски должны были прогнуться под весом его брони. — Нам не нужна твоя душа, смотритель. Нам нужно имя. Имя того, кто заходил в Сокровищницу вчера на закате.

Старик затряс головой так сильно, что казалось, она вот-вот оторвется. — Никто! Клянусь Единым, никто! Замки целы, печати Шиповника не тронуты! Если бы кто-то вошел...

— Ты лжешь, — перебил Леон. Ему не нужен был допрос. Ему нужно было подтверждение. Когда сознание жертвы находится так близко, ложь звучит фальшивой нотой в идеальной симфонии тишины. — Ты боишься не меня. Ты боишься того, кого впустил. Говори.

Леон поднял руку. Он не собирался пытаться тело. Телесная боль примитивна и часто заставляет мозг отключаться, блокируя информацию. Леон собирался причинить боль тому, что люди считают своим сокровищем — своему эго.

Он активировал зрение Глубины.

Для обычного мага это выглядело бы как наложение двух картинок друг на друга. Для Леона реальность просто расслоилась. Внешний слой — дрожащий старик в комнате. Внутренний слой — пульсирующий клубок змей, состоящий из мыслей, желаний и подавленных грехов.

Леон коснулся этого клубка двумя пальцами.

Комната наполнилась криком, которого не издавали связки смотрителя. Это кричала его совесть.

Перед внутренним взором Леона пронеслись картины последних суток. Вот этот же старик, но одетый не в ливрею, а в темный балахон подпольного Братства Равных. Вот он спускается в катакомбы под дворцом, используя мастер-ключ главного ключаря. Вот он стоит перед дверью малого хранилища (где держат не золото, а опасные игрушки).

Замок щелкнул. Дверь открылась сама. Смотритель никого не видел снаружи. Но он чувствовал присутствие. Давление, исходящее из пустоты рядом с ним. И он отступил в сторону, склонив голову, позволяя гостю пройти.

— Ты открыл дверь не Императору, — констатировал Леон, удерживая контакт. Каждое слово вбивалось в разум старика, как гвоздь. — Ты нарушил Присягу Крови. Почему?

— Он обещал... — прохрипел смотритель, захлебываясь невидимыми слезами. Его физическое тело в реальном мире сейчас наверняка пускало пену изо рта. — Он обещал забрать только мою вину! Мою зависть! Я ненавижу вас всех! Вы живете в золоте, пока мои дети едят глину! Он сказал, что возьмет лишь тяжесть с моего сердца...

Картина изменилась. Теперь Леон смотрел на событие чужими глазами, но слышал мысли чужака.

Гость вышел из теневой ниши прямо посреди коридора стражи. Стражники смотрели сквозь него. Высокий силуэт, скрытый в складках бесформенного серого плаща. Лицо скрывала маска из белого фарфора, лишенная каких-либо черт — абсолютно гладкое яйцо.

Незнакомец не крался. Он шел уверенно. Он подошел к смотрителю и протянул руку в тонкой перчатке. *«Отдай мне то, что лежит в седьмой ячейке, — мысль незнакомца вонзилась в голову смотрителя без всякого ментального контакта, чистая и острая, как осколок льда. — И я избавлю тебя от ненависти. Ты забудешь, каково это — желать зла ближнему. Ты станешь чист».*

Смотритель упал на колени. Ненависть действительно ушла. На ее месте образовалась звенящая, жуткая пустота. Человек, лишенный способности ненавидеть тех, кого считает угнетателями, превращается в послушное животное.

— Что было в седьмой ячейке? — потребовал Леон, усиливая давление. Фиолетовый туман вокруг его бесполого лица сгустился, принимая форму когтистых рук, тянущихся к горлу старика. — Я... я не знаю! — взвыл смотритель. — Ключари знают только номера! Там... там что-то маленькое. Шкатулка черного дерева. Охранные чары на ней молчали, когда он проходил мимо! Даже Шипы Василиска не шевельнулись! Как такое возможно?!

Леон отпустил разум старика.

Внутреннее зрение схлопнулось. Комната снова стала пыльной каморкой с дешевыми свечами. Смотритель обмяк в кресле, потеряв сознание. По его седой бороде текла струйка слюны, смешанная с кровью — лопнули капилляры в глазах от пережитого ментального вторжения. Он будет жить. Но остаток дней проведет пускающим пузыри идиотом, счастливейшим из людей, ибо его разум теперь навсегда защищен от понимания ужасов мира.

Леон моргнул. Переход обратно на тренировочный полигон произошел мгновенно. Воздух снова пах озоном.

Черный бастард на поясе недовольно завибрировал. *«Ты тратишь время на мусор, носитель»*, — прошипел клинок. — *«Пока мы беседуем с тараканами, настоящий хищник уходит с добычей»*.

— Молчать, — приказал Леон, возвращая ножны на пояс.

Он посмотрел на свои руки. Плоть оставалась человеческой, но под кожей проступали темные вены — следы использования Глубинного зрения. Каждый такой сеанс оставлял отпечаток. Рано или поздно граница между тем, что он видит в чужих пороках, и тем, кем является сам, окончательно исчезнет. Возможно, именно этого и ждет Император. Собрать критическую массу мирового греха в одном сосуде.

В темноте за спиной Леона материализовался Архитектор Вейл. Он появился без звука, телепортировавшись коротким прыжком сквозь пространство. На нем был неизменный серый костюм, перчатки из тонкой кожи и монокль на правом глазу. Сам глаз за стеклом линзы постоянно двигался, фокусируясь на разных слоях реальности одновременно.

— Жив? — поинтересовался Вейл, глядя на расprostертое тело смотрителя. — Жаль. Хороший бухгалтер был. До того как решил поиграть в революцию. — Он ничего не знает, кроме факта сделки, — Леон повернулся к начальнику Тайной канцелярии. — Белый Фарфор. Так они называют своего нанимателя. Маска из фарфора. Способность ходить сквозь защитные чары Сокровищницы, как сквозь утренний туман. Он купил верность смотрителя ценой изъятия его ненависти.

Вейл задумчиво пожевал губами. — Изъятие эмоций. Высшая форма эмпатической алхимии. Или божественное вмешательство. Ни один известный нам культ не владеет этим чисто. Значит, либо Древние проснулись раньше срока, либо... — Либо у нас утечка среди тех, кто старше самой Империи, — закончил за него Леон.

— Именно, — кивнул Вейл. — Седьмая ячейка. Малый реестр секретных объектов. То, что нельзя доверить даже големам-хранителям. Леон, открой рот.

Леон молча повиновался. Вейл подошел вплотную, вынул из кармана сюртука серебряный пинцет и аккуратно извлек из-за щеки Леона крошечный предмет. Это был зуб. Обычный коренной зуб, если не считать того, что корень его уходил глубоко в челюстную кость, переплетаясь с нервными узлами.

— Передатчик старого образца, — пояснил Вейл, разглядывая зуб на свет свечи. — Ставили первым поколениям твоей линии. Работает на частоте распада. Пока ты находился в сознании смотрителя, твой эмоциональный фон транслировался открытым текстом. Любой

мало-мальски смыслящий провидец в радиусе лиги теперь знает, что Тень Императора встревожена. Белый Фарфор знает, что мы идем по следу.

Леон подвигал челюстью. Место удаленного зуба заныло тупой болью. — Сколько данных ушло? — Достаточно, чтобы понять нашу методику. Он знает, что мы будем искать дыру в протоколах доступа. Вейл достал из воздуха свернутый трубкой пергамент — плотный, желтоватый, скрепленный тяжелой печатью из мифрила. — Император отменяет Альтус. Прямо сейчас. Город подождет. Белый Фарфор важнее. Если он способен нейтрализовать Шипы Василиска, скоро он придет за Большим Артефактом. За Сердцем Башни.

Сердце Башни. Филактерия первого Императора, источник барьера, накрывающего столицу. Если украсть его, щит падет. Армии Севера войдут в Дарк за одну ночь, не встретив сопротивления.

— Разрешите взять группу, — глухо сказал Леон. — Нет, — отрезал Вейл. — Группа оставляет слишком много следов. Группа шумит. А Белый Фарфор пугается шума и убивает свидетелей. Пойдешь один. Но сопровождение я тебе дам.

Вейл щелкнул пальцами. Тени в углах полигона стусились, обретая плотность, цвет и вес. Из мрака выступила фигура ростом почти с самого Леона. Массивное гуманоидное тело, состоящее из переплетенных мышц, которые, казалось, росли поверх стального каркаса. Серая кожа туго обтягивала кости. Но самым страшным было лицо. Вернее, отсутствие такового. Вместо головы у существа был гладкий черный шар, похожий на обсидиановую сферу, в которой отражалось перекошенное лицо самого Леона.

— Познакомься, — буднично сказал Вейл, будто представлял собаку. — Это Тишина. Модель «Эхо-Прайм». Прототип боевого гомункула класса «Поглотитель». Создан из переработанных эфирных оболочек безумных магов Серых Войн. Он не чувствует боли. Не производит звуков при движении. И, что самое главное, он питается остаточным магическим фоном. Там, где пройдет Белый Фарфор, останется вакуум силы. Тишина пойдет по этому вакууму, как гончая по крови.

Гомункул опустился на одно колено перед Леоном. От него веяло сухим жаром работающей доменной печи и запахом озона после удара молнии.

— Он подчиняется твоим мысленным командам, — продолжил Вейл. — Канал связи зашифрован частотой твоего проклятого клинка. Если Белого Фарфора можно убить физически — убей. Если он окажется астральной проекцией или духом — Тишина выпьет его досуха.

Леон перевел взгляд с мертвого глаза-гомункула на Вейла. — Что именно лежало в седьмой ячейке? Вейл впервые за разговор позволил себе улыбнуться. Улыбка сделала его лицо похожим на череп, обтянутый пергаментом. — То, что поможет нам найти его быстрее, чем он найдет нас. Забирай Эхо и выдвигайся к Сокровищнице. Я уже отдал приказ отключить внешнюю охрану уровней. Чтобы войти внутрь, тебе придется взломать Старый Замок. Механизм, который реагирует только на ритм человеческого страха. Думаю, с этим у тебя проблем не возникнет. После визита к графу Ренару ты должен смердеть отчаянием на всю Цитадель.

Вейл развернулся, собираясь уйти обратно в свою измеренную бюрократией тень, но остановился. — Ах да, Леон. Император просил передать. Он доволен скоростью очистки души графа. Но велел напомнить: каждый раз, когда ты глотаешь чужой страх, часть твоего имени исчезает из Книги Судеб. Скоро там не останется букв, которыми тебя можно будет назвать. Спешి выполнить долг, пока ты еще знаешь, зачем просыпаешься по утрам.

Архитектор исчез.

Леон остался стоять над телом сумасшедшего смотрителя, возвышаясь над новым спутником. Тишина поднялась с колена. Гомункул был выше его на полголовы и вдвое шире в плечах.

— След, — мысленно бросил Леон, направляясь к выходу с полигона.

Гомункул издал звук, средний между вздохом и треском разрываемой бумаги, и двинулся вслед за хозяином. С каждым его шагом температура в коридоре падала на градус.

Они вышли в главный тоннель. Дорога к Сокровищнице пролежала через уровни, куда обычные смертные спускались только для того, чтобы быть забытыми. Чем ниже они шли, тем сильнее менялась архитектура. Ровные плиты сменялись циклопической кладкой эпохи Основания. Камни здесь были теплыми и слегка пульсировали — фундамент Дворца буквально рос из спящего под городом древнего чудовища.

— Уровень минус семь, — произнес Леон вслух, скорее для самого себя, чтобы удержать остатки рациональности. — Сектор Малого Хранилища.

Черный бастард на его бедре стал тяжелым. Меч предвкушал. Впереди пахло не просто нарушением закона. Впереди пахло нарушением законов физики и метафизики. Белому Фарфору удалось невозможное. А значит, Леон столкнется с силой, которая играет по правилам более древним, чем воля Императора Дрейка.

И если клинок прав, и враг уйдет, вина за падение Империи ляжет не на маску из белого фарфора. Она станет еще одним ледяным камнем в той стене холода, которую Леон выстраивал вокруг своего гниющего сердца десятилетиями службы.

Тишина внезапно замерла, вскинув свою зеркальную голову. Шар на плечах гомункула пошел мелкой рябью, формируя впадины и выступы — он пытался имитировать человеческую эмоцию удивления. Затем сфера потемнела, впитывая свет факелов.

Леон почувствовал это одновременно с ним. Тонкую нить напряжения в воздухе. Где-то впереди, за тремя стальными воротами и лабиринтом ловушек, в самом сердце горы, кто-то только что открыл замок, который не должен был открывать никто. Звук щелчка механизма раздался прямо в костях Леона.

Охота началась.

Глава 2. Взгляд в бездну

Ночь в Альтусе пахла иначе, чем в столице. Здесь не было сладковатого привкуса дворцового ладана и горечи имперского угля. Воздух был пропитан озоном приближающейся грозы, запахом мокрой древесной коры с окрестных холмов и едва уловимым металлическим привкусом — предвестником большой крови.

Город лежал в долине, как спящий зверь, укрытый старым крепостным кольцом из серого гранита. Стены Альтуса были старыми, построенными еще до того, как Император Дрейк объединил разрозненные княжества под своей тенью. Они помнили осаду Древних и потому казались Леону слишком... честными. В них не было скрытых ходов для теней.

Черный бастард на бедре Леона пульсировал глухой, раздраженной злобой. Клинок ненавидел открытые пространства. Ему нужны были тесные коридоры, углы и густой мрак, чтобы питать своего носителя. Сейчас же вокруг простирались заливные луга, залитые мертвенно-бледным светом двух лун — Синей и Ржавой.

— Сигнатура обрывается у Северной башни, — прошепестел голос Тишины прямо в затылке Леону. Гомункул двигался бесшумно, его массивное тело перетекало сквозь высокую траву, не приминая стеблей. Зеркальная сфера на плечах отражала звезды, искажая их свет до состояния ломаных линий. — Там плотность эфира падает до абсолютного нуля. Он стер свой след.

Леон остановился, припав к земле за поваленным дубом. До стен города оставалось около пятисот локтей открытого пространства. Любой другой убийца потратил бы часы на обход патрулей или поиск бреши. Леон планировал войти через парадную дверь — ту самую стену, где сейчас скучал часовой Имперской гвардии.

Солдат сидел на деревянной смотровой площадке, прислонив копьё к зубцу стены. Его голова безвольно свесилась на грудь — он боролся со сном. Обычный человек. Набранный из местных фермеров, чьи сыновья теперь ели глину, пока столица жирела на их налогах. Смотритель архивов оказался прав: гниль недовольства расползлась по всей Империи.

Леон опустил ладонь на рукоять клинка, но не стал его обнажать. Для этой работы сталь была слишком груба. Ему требовалась хирургическая точность. И тишина, которую не нарушит даже крик падающего тела.

Он закрыл глаза. Вдохнул запах травы. Почувствовал, как ветер перебирает волосы. А затем выдохнул этот мир наружу.

Его собственная тень вытянулась далеко вперед, пересекая луг, перепрыгивая через заросли чертополоха и касаясь основания городской стены. Камень сопротивлялся. Гранит Альтуса был стар и горд; он не желал пускать порождение Бездны в свои поры. Но воля Императора была сильнее законов архитектуры. Тень Леона просочилась сквозь микротрещины кладки, поднялась по внутренней стороне стены и достигла ног часового.

Гвардеец вздрогнул во сне. По его сапогу пробежала ледяная искра. Леон открыл глаза. Мир перед ним расслоился. Цвета выцвели, превратившись в оттенки серого, черного и глубокого индиго. Тепло исчезло. Теперь он видел только потоки энергии. Часовой внизу светился тусклым желтоватым огоньком усталости. За стеной, в городе, мерцали сотни таких огней — страх, похоть, гнев, радость. Целый город живых лампадок.

А вот стражник на стене начал гаснуть. Чернильная субстанция тени поднималась по его телу, заполняя капилляры. Это не было убийством. Это было погружение в сон такой глубины, что само время забывало о существовании этого человека.

Часовой медленно завалился набок. Его рука отпустила древко копья. Дерево ударилось о доски площадки с глухим стуком, который мгновенно поглотила магия Леона. Звук умер, не успев родиться эхом.

Путь был свободен.

Леон поднялся. На фоне серебристых облаков его фигура выглядела как разрыв в ткани реальности. Он сделал шаг, наступая на собственную тень. Пространство впереди пошло рябью, словно поверхность воды от брошенного камня. Когда рябь улеглась, гранитная кладка стены оказалась прямо перед его лицом. Он вошел в камень так же легко, как тонущий входит в воду, и вышел уже по ту сторону, оказавшись внутри караульного помещения над воротами.

Здесь пахло кислым вином и старой кожей. Второй гвардеец храпел на лавке, накрыв лицо шлемом. Леон прошел мимо него, стараясь даже не дышать в сторону солдата. Выдыхаемый им воздух нес холод могилы, способный остановить сердце слабому человеку.

Спуск по винтовой лестнице занял секунды. Башня закончилась, начались городские улицы.

Альтус встретил его гулом далекого трактира и скрипом флюгеров. Улицы были узкими, зажатыми между двухэтажными фахверковыми домами с остроконечными крышами. Свет сюда почти не проникал, и это играло на руку. Леон растворился в темноте переулка, становясь неотличимым от густого ночного мрака. Только фиолетовые угли глаз выдавали присутствие чего-то разумного в этой луже тьмы.

Тишина возникла рядом беззвучно. Массивный силуэт гомункула пришлось деформировать, сплющив плечи, чтобы он не застревал между стенами. *«След холодный»*, — передал мысль Эхо-Прайм. — *«Но я чувствую вкус непла»*.

Леон кивнул. Он тоже чувствовал. Где бы ни проходил Белый Фарфор, он оставлял после себя зону «стерильности». Магические светильники на стенах домов здесь не горели ровным платиновым светом, как в столице. Их стеклянные колбы были покрыты изнутри черной сажой, а фитили выгорели дотла, хотя масло в резервуарах плескалось доверху. Кто-то выпил саму возможность магии существовать в этом радиусе.

Они двинулись к центру города, туда, где возвышалась ратуша. Именно там находилась городская сокровищница — менее защищенная, чем столичная, но именно ее выбрал целью вор. Наглость, граничащая с безумием. Или уверенность, основанная на силе, превосходящей императорскую гвардию.

Улица сделала резкий поворот, упираясь в небольшую площадь с пересохшим фонтаном. И тут Леон замер.

Впереди, прямо посреди площади, стоял труп. Имперский курьер. Молодой парень в кожаной куртке с гербом почтовой службы на груди. Из его спины торчала стрела. Древко из белого ясеня вошло точно под левую лопатку, пробив сердце. Крови почти не было — наконецник, очевидно, запечатал сосуды при попадании.

Обычное дело для темных улиц. Грабители? Нет. Кошель курьера был полон, серебряная пряжка ремня на месте. Это не мародерство.

Леон подошел ближе. Тишина осталась в тени арки, сканируя крыши. Опустившись на одно колено возле тела, Леон приложил два пальца к шее мертвеца. Кожа была холодной, но процесс окоченения еще не начался. Прошло не больше десяти минут.

— Свежий, — прошептал Леон.

Он перевел взгляд на стрелу. Оперение сделано из перьев ночной пустельги. Дорогой снаряд, такие используют егеря Южных Лесов или элитные лучники Корпуса Призраков. Но Корпус Призраков подчиняется лично ему. Эту стрелу выпустил кто-то другой.

Рука Леона сама потянулась к оперению. Он хотел вытащить древко, осмотреть наконецник...

Как только его пальцы коснулись гладкого дерева, мир взорвался.

Это не был звук. Это был ментальный удар. Вся площадь внезапно наполнилась криком. Тысячи голосов кричали одновременно — от боли, от ужаса, от предсмертной тоски. Фантомная боль прострелила виски Леона, заставив его пошатнуться.

Воспоминание-ловушка. Классика охотников за головами Старого Мира. Тот, кто касается улики, переживает последние мгновения жертвы.

Леон упал на бок, сжимая голову руками. Черный бастард на поясе взвыл, пытаясь вырваться из ножен, чтобы защитить хозяина от психической атаки. Но атака шла не извне. Она росла изнутри самого мертвеца.

Сознание Леона провалилось в чужую память.

Запахи конского пота и дегтя. Стук копыт по брусчатке. Курьер прижимает сумку к груди. Он боится опоздать — депеша помечена печатью "Алое Немедленно". Из-за угла выдвигается фигура. Высокая, облаченная в серый дорожный плащ. Лицо скрывает капюшон. — Пропусти, — говорит курьер, пытаясь обойти преграду. — Приказ Императора. Фигура не отвечает. Она просто поднимает правую руку. Между пальцами формируется лук. Не материальный предмет, сплетенный из дерева и жил, а чистая геометрия силы. Черный изгиб натянутой тетивы соткан из самой ночи. Курьер понимает, что умрет, за долю секунды до удара. Он открывает рот, чтобы позвать на помощь, но из горла вырывается лишь сип. Стрела срывается с тетивы. Она летит беззвучно. Ее наконечник — это сгусток концентрированного отчаяния. Она проходит сквозь плоть, кости и душу курьера, не встречая сопротивления, потому что сама суть материи уступает место такому уровню скорби.

Видение оборвалось так же резко, как началось.

Леон обнаружил себя стоящим на коленях в пыли площади. Пальцы все еще сжимали древко стрелы. Сердце билось с частотой молотобойца, легкие горели от нехватки воздуха. Холод, обычно живший в его груди, отступил, смытый горячей волной адреналина и чужой смерти.

— Носитель дестабилизирован, — констатировала Тишина, выходя из тени. Зеркальная сфера на его голове отразила искаженное лицо Леона. — Гормональный всплеск. Страх?

— Не мой, — прохрипел Леон, наконец отрывая руку от стрелы.

Он посмотрел на свои ладони. Они дрожали. Впервые за двадцать лет службы тремор затронул моторику. Дело было не в ловушке воспоминаний — его разум давно закалился против чужих кошмаров. Дело было в луке.

Черный лук из чистой тени. Энергетическое оружие, черпающее силу напрямую из Бездны. Оружие, которое не требует физической формы.

Леон медленно встал. Он снова взглянул на убитого курьера. Теперь, когда шок прошел, он смотрел не глазами следователя. Он смотрел Глазами Глубины.

Душа парня должна была находиться еще рядом с телом. Обычно после насильственной смерти эфирная оболочка висит над трупом несколько часов, похожая на серебристый туман, постепенно рассеиваясь в эфире. Это называлось «Скорбящим Облаком».

Леон ожидал увидеть облако. Вместо этого он увидел дыру.

Там, где должна была быть сущность курьера, зияла абсолютно черная клякса неправильной формы. Она не светилась. Она поглощала скудный свет луны, падавший на площадь. Она пульсировала медленным, голодным ритмом.

Кто бы ни выстрелил этой стрелой, он не просто убил тело. Он выжрал ядро личности. Выпил волю к жизни, воспоминания, любовь к семье и страх перед смертью, оставив лишь пустую мясную оболочку с идеальной дырой в метафизическом центре.

Леон почувствовал, как по спине пробежал настоящий, физический холод. Холод, который не имел отношения к его проклятию.

— Тишина, — голос Леона прозвучал хрипло. — Анализ остаточного фона стрелы. Максимально глубоко.

Гомункул шагнул к трупу. Его зеркальная голова нависла над белым древком. Сфера пошла крупной рябью, впитывая информацию. «Эфирный резонанс класса "Инферно-Аст"», — пришел мысленный доклад. — «Основа матрицы — квинтэссенция Ужаса. Чистота экс-

тракта девяносто семь процентов. Следы катализатора... идентичны твоему метаболическому профилю, Носитель».

Мир качнулся. Леон схватился за каменный бортик фонтана, чтобы не упасть. Ногти царапнули гранит, оставляя глубокие борозды. — Повтори, — приказал он. *«Катализатор поглощения»*, — неумолимо продолжала Тишина. — *«Тот, кто создал этот лук, использует химию распада души, аналогичную механизму действия твоего клинка. Разница лишь в инструменте. Ты используешь сталь. Он использует дистанцию».*

Белый Фарфор. Серый плащ. Черный лук. Леон поднял голову и посмотрел на крыши окружающих домов. Теперь он видел сеть. Тонкие, почти невидимые нити черного пара тянулись от места убийства вверх, цепляясь за коньки крыш. Это был шлейф убийцы. Он уходил строго на север, в сторону старых каменоломен за городом.

— Он нас провоцирует, — произнес Леон.

Клинок на его бедре согласно загудел, вибрируя от жажды. Если враг использует ту же магию, значит, их сущности родственны. Поглотив душу такого противника, Леон получит не просто очередную дозу холода. Он может получить ответы. Понять, является ли он уникальным оружием, или же просто первым прототипом серии идеальных палачей.

— Активный поиск, — бросил Леон Тишине. — Режим Гончей. Держись следа. Я возьму высоту.

Гомункул издал низкий утробный рык, который скорее ощущался подошвами, чем слышался ушами, и сорвался с места. Его масса размазалась в воздухе, превращаясь в стремительную серую тень, бегущую вдоль стен зданий.

Леон остался один посреди площади с пожранной душой курьера. Он запрокинул голову к небу. Две луны равнодушно смотрели на него. Нужно было двигаться быстро. Белый Фарфор знал, что они идут по следу — иначе зачем оставлять такую очевидную метку, как труп с уникальной стрелой? Он ведет их. Охотник становится дичью.

Леон вдохнул полной грудью. Городской воздух показался ему пресным. Ему нужен был концентрат. Нужна была скорость.

Он позволил своему внутреннему пламени вспыхнуть чуть ярче. Лед в венах ответил привычным ожогом. Вместо того чтобы втягивать тьму внутрь, он позволил ей течь наружу, формируя вторую кожу поверх брони.

Тень послушно стеклась к его спине, уплотняясь, принимая форму гигантских крыльев нетопыря, сложенных вдоль позвоночника. Мышцы ног свело судорогой трансформации. Кости стали полыми и легкими, как у хищной птицы.

Леон прыгнул.

Он не оттолкнулся от земли — он оттолкнулся от самой гравитации. Сложенные крылья раскрылись с шелестом рвущегося бархата. Полотно тьмы поймало восходящие потоки воздуха от нагретых за день черепичных крыш.

Для жителей Альтуса, если бы кто-то смотрел в окно, это выглядело бы как внезапный порыв холодного ветра, погасивший свечу. Огромная черная птица взмыла в небо, бесшумно скользнув над крышами ратуши.

Высота давала преимущество. Отсюда город был виден как на ладони. Леон парил в тридцати локтях над землей, используя тени башен как ступени. Его зрение обострилось до невозможного предела. Он видел каждую мышцу на спине бегущего внизу Тишины, видел пауков, плетущих паутину на чердаках, видел тепло, исходящее от печных труб.

Шлейф Белого Фарфора стал отчетливее. Это была не просто тропа. Это была дорога из хлебных крошек, вымощенная духовной пустотой. Каждая точка, где ступала нога врага, оставалась навсегда лишенной цвета.

Северные ворота остались позади. След повел в предгорья. Каменоломни старого герцога Валериана. Зброшенные штольни, куда местные боялись ходить даже днем, утверждая, что камни там плачут по ночам. Идеальное логово для того, кто питается человеческим ужасом.

Леон заложил вираж, снижаясь. Впереди, на вершине каменистого холма, мелькнул силуэт. Серая ткань плаща на мгновение поймала лунный свет.

Белый Фарфор остановился. Он стоял спиной к Леонору, глядя на вход в шахты. Даже с такого расстояния Леон видел ауру абсолютного спокойствия вокруг него. Ни страха, ни волнения. Лишь холодное удовлетворение ремесленника, закончившего сложную деталь.

Внезапно фигура внизу начала меняться. Серый плащ опал на землю грудой тряпья. Очертания человеческого тела поплыли, вытянулись вверх и истончились. Через секунду на холме стояла уже не маска из фарфора, а нечто иное. Высокий, состоящий из переплетенных терновых ветвей и сухого лишайника силуэт. Голова существа повернулась ровно на сто восемьдесят градусов назад, смотря прямо на приземляющегося на соседнюю крышу Леона.

Лица по-прежнему не было. Но там, где оно должно было быть, открылся огромный, заполненный космической пустотой черный зрачок.

«Я ждал тебя, брат», — прозвучал голос не в ушах, а в самом ядре сознания Леона. Голос звучал тысячью шепотов одновременно. — *«Ты долго несеешь эту чашу. Позволь мне забрать твой долг».*

Черный лук вновь сформировался в руках Древесного Плача — ибо так звали подобных существ в легендах эпохи Катаклизма. Натяжение тетивы издало звук лопнувшей струны мира.

Леон среагировал раньше, чем осознал увиденное. Его левая рука нырнула за спину. Пальцы сомкнулись на призрачной рукояти. Черный бастард материализовался в его хвате с влажным чавкающим звуком, готовый пить.

Враг спустил тетиву. Воздух прорезала полоса абсолютного мрака. Стрела летела быстрее звука. Она целилась не в броню — она целилась в центр груди, туда, где под слоями зачарованной кожи билось единственное теплое пятно в теле Леона.

Леон вскинул клинок навстречу собственной гибели.

Два осколка Бездны устремились друг к другу под светом равнодушных лун Альтуса.

Удар отбросил Леона назад.

Черный бастард принял на себя всю массу направленного отчаяния. Лезвие клинка, обычно идеально матовое, пошло сеткой ярко-фиолетовых трещин, принявших форму морозного узора. Энергия стрелы не разбилась о сталь — она стекла по ней, обогнула лезвие и ударила Леона в плечо.

Боль была иной природы. Если обычный меч дробит кости, то эта стрела дробила смысл существования. В глазах потемнело не от потери крови, а от внезапного понимания тщетности любого движения. Зачем блокировать? Зачем бежать? Весь Альтус спит, чтобы завтра снова платить налоги. Леон служит Императору, который видит в нем лишь сосуд. Враг предлагает покой. Вечное ничто звучит гораздо привлекательнее вечной службы.

Колени подкосились. Крылья тьмы за спиной рассыпались сухим пеплом. Леон рухнул на покатую черепичную крышу склада, проехался по ней, сбивая старую черепицу, и завис на самом краю, удерживаясь лишь чудом и последним усилием воли. Пальцы судорожно вцепились в выступ водостока.

— Носитель получил критическую дозу экзистенциального цинизма, — сухо доложила Тишина, которая каким-то образом уже оказалась внизу, на улице, готовая поймать падающего хозяина. — Жизнеспособность сохранена. Желание продолжать функционирование снизилось на сорок процентов.

Леон тряхнул головой. Наваждение схлынуло, оставив после себя звон в ушах и мерзкую кислоту во рту. Он сплюнул на черепицу тягучую черную слюну. Клинок в руке перестал трещать, затягивая фиолетовые раны на своей поверхности.

Взгляд Леона метнулся вверх, на вершину холма. Древесный Плач исчез. Каменоломни встретили ночь мертвым молчанием. След снова стал холодным, но теперь он вел в самое чрево горы.

— Он играет с нами, — процедил Леон, поднимаясь на ноги. Боль в плече фантомно отдавалась в такт сердцебиению. — Он мог убить меня. Хотел проверить, умею ли я падать.

«Мы не падаем», — отозвался Черный бастард внутри грудной клетки голосом бездны. — «Мы опускаемся ниже, чтобы подняться выше. Дай мне сожрать его целиком, носитель. Его лук сделан из моих потерянных братьев. Я узнаю этот вкус».

Леон проигнорировал жажду оружия. Он подошел к краю крыши и посмотрел вниз. Высота в три этажа перестала пугать его много лет назад. Он шагнул в пустоту.

Земля стремительно понеслась навстречу. Ветер засвистел в складках плаща. За миг до столкновения Леон активировал смягчающий контур тени. Его тело стало текучим, тяжелым и невесомым одновременно. Он приземлился на булыжную мостовую, согнув колени. Ударная волна выбила пыль из-под камней, но сами камни остались целы, а кости Леона не издали ни единого щелчка.

Тишина возник рядом, прикрывая тыл. — Штольни Валериана уходят на шесть уровней вниз, — механическим голосом сообщил гомункул. — Геологический анализ показывает наличие природного адамантинового пласта на четвертом уровне. Радиосигналы не проходят. Магия связи будет подавлена. Мы станем слепы.

— Значит, будем полагаться на слух, — ответил Леон. Он проверил заточку кинжалов на предплечьях. — И на то, что наш новый друг недооценивает мою злость.

Они вошли под своды каменоломен. Темнота здесь была живой. Адамантиновый пласт действительно высасывал любую энергию. Магические амулеты на груди Леона, которые должны были давать ночное зрение, потухли, превратившись в бесполезные куски холодного металла. Даже факел Тишины — химическая смесь, горящая без кислорода — зашипел и погас, раздавленный атмосферой места.

Пришлось идти в абсолютном мраке. Но для Леона мрак никогда не был препятствием. Напротив, отсутствие света делало его зрячим.

Он снял перчатку и провел рукой по влажной стене шторека. Камень пел. Миллионы лет сжатия, кровь рудокопов, погибших при обвалах, слезы детей, которых спускали в самые нижние шурфы искать самородки — вся история этого места липла к пальцам. Леон читал эти вибрации, как книгу.

— Он здесь был, — прошептал Леон, указывая на участок стены. — Касался здесь. Остался отпечаток его отсутствия. Как след пальца на замерзшем стекле.

Они продвигались вглубь. Узкие технические тоннели сменялись огромными подземными залами, потолок которых терялся во тьме. Капающая сверху вода отсчитывала секунды громче любых часов. Каждый звук здесь усиливался десятикратно, создавая жуткую акустическую иллюзию, будто за ними следует целая армия.

На втором уровне Леон нашел первую жертву Древесного Плача. Это был местный бродяга, решивший заночевать в относительно сухом углу пещеры. Он сидел, прислонившись к валуну. Его глаза были открыты и смотрели в потолок с выражением детского удивления. Губы растянуты в блаженной улыбке.

Леон подошел ближе. Опустился на корточки. Проверил пульс на шее. Сухая кожа, никакого пульса. Бродяга был мертв уже несколько часов, но тело не начало остывать. Температура поддерживалась искусственно.

Глаза Глубины подтвердили догадку. Дыра в груди бродяги была шире, чем у курьера. Древесный Плач не просто ел. Он кормился. Чем дольше жертва смотрела в глаза существу — или в пустоту на месте лица — тем глубже воронка вселенской апатии выжирала ее нутро.

— Он набирает массу, — констатировал Леон, выпрямляясь. — Курьер был закуской. Этот — основным блюдом. Скоро он станет достаточно плотным, чтобы сменить облик окончательно.

Третий уровень. Адамантиновая жила. Здесь давление возросло настолько, что у обычного человека началась бы декомпрессионная болезнь. Воздух стал густым, его приходилось проталкивать в легкие силой. Тишина замедлил шаг — его механизмы начали испытывать сопротивление среды, металл жалобно поскрипывал.

Леон остановился. Он поднял руку, приказывая гомункулу замолчать. Хотя тот и так не издавал звуков, Леон ощутил изменение в ритме работы его внутренних турбин.

Впереди, в центральном зале уровня, горел свет. Не магический. Живой, трепещущий оранжевый свет костра. Запах паленой шерсти и жареного мяса ударил в ноздри столь неожиданно, что Леон на мгновение забыл, где находится.

Посреди огромного зала, вырубленного прямо в адамантине, сидела фигура. Серый плащ висел на воткнутом в землю копье. Сам Древесный Плач — теперь он вернул себе человеческий облик, сбросив древесную кору — сидел на корточках у огня. В руках он держал длинную железную шпатель. На конце шпателя запекался кусок мяса, нанизанный вместе с какими-то корнями.

Белый Фарфор — имя более не подходило ему. Под маской скрывалось лицо мужчины средних лет, с правильными чертами, легкой щетиной и удивительно теплыми карими глазами. Единственное, что портило картину абсолютной нормальности — полное отсутствие бровей и ресниц. Кожа вокруг глаз была гладкой и бледной, как у змеи.

— Я использовал кролика, — сказал Древесный Плач, поворачивая мясо над огнем. Его голос звучал мягко, с легкой хрипотцой уставшего учителя. — Местные называют их «каменными прыгунами». Жестковаты, но если долго тушить в собственных соках... Мясо приобретает интересный минеральный оттенок. Будешь?

Он указал шпателью на свободное бревно у костра.

Леон выступил из тени прохода. Черный бастард оставался в ножнах, но само присутствие палача сделало пламя костра синим по краям. Температура в зале упала. Пар изо рта Леона превратился в ледяную крошку.

— Архитектор Вейл расстроится, узнав, что ты предпочел ужин допросу, — ровным голосом произнес Леон.

Древесный Плач — мужчина у костра откинул голову назад и рассмеялся. Смех был искренним, глубоким, заполняющим собой весь объем пещеры. — Вейл! Ах, старый книжный червь. Скажи ему, что я оставил подарок на его рабочем столе. Бутылку вина урожая года Раскола. Оно немного... скисло. От тоски по свободе.

Мужчина насадил на шпателью второй кусок сырого мяса и протянул его в сторону Леона. — Присаживайся, Леон. Твое второе имя ведь Атрей, верно? Сын рыбака из Западных Топей. Мать умерла от лихорадки, когда тебе было семь. Отец продал тебя вербовщикам за пару серебряных марок, чтобы купить новую лодку. Император дал тебе силу. Но скажи... разве твоя душа стала теплее от этого?

Леон не шевельнулся. Каждое слово врага ложилось точным ударом в незаживающие рубцы памяти. — Ты изучил мое досье.

— Я изучил твою дыру, — поправил Древесный Плач. Он откусил кусок жесткого мяса и принялся задумчиво жевать. — Мы с тобой похожи больше, чем думает Дрейк. Мы оба — пробки. Нас вбили в бутылки с джинами первобытного хаоса. Меня зовут Каэль. И я устал

держат свою пробку рукой. Я хочу выпустить пар. А ты... ты хочешь узнать, можно ли разбить бутылку совсем.

Каэль махнул рукой, и пространство вокруг изменилось. Стены адамантиновой пещеры пошли рябью, истончились и превратились в палубу деревянного корабля. Вокруг ревел шторм. Волны размером с гору обрушивались на фальшборт. Соленый ветер бросал в лицо брызги.

Леон стоял на качающейся палубе, но его ноги оставались твердо стоять на реальном камне третьего уровня шахт. Иллюзия высшего порядка. Каэль не пытался обмануть его чувства — он переписывал контекст реальности вокруг них.

— Видишь? — прокричал Каэль сквозь иллюзорный вой ветра. — Мой первый контракт. Буря Утренней Звезды. Я должен был утопить флагман мятежного адмирала. Я выполнил приказ. Я впитал панику тысячи моряков, идущих ко дну. Император наградил меня почетной грамотой. А потом я понял, что та буря... она до сих пор воет вот здесь.

Каэль постучал пальцем по своему виску. — Я предлагаю сделку, Атрей. Твой хозяин хочет моей смерти. Но ты не простой солдат. Ты — наследник моего ремесла. Помоги мне открыть главный сейф Дрейка. Внутри лежит вещь, которая освободит нас обоих. Кандалы Первотворца. Если мы их уничтожим, магия перестанет быть служанкой тиранов. Она станет свободной. Как стихия.

Леон молча смотрел на собеседника. Иллюзия шторма бушевала вокруг, срывая с Каэля одежду, но тот не обращал внимания. — Почему я должен верить тому, кто ест чужие души?

— Потому что я единственный, кто знает рецепт твоей свободы, — Каэль выбросил обглоданную кость в иллюзорную пучину. — Посмотри на свое плечо, Леон. Куда попала моя стрела. Что ты чувствуешь?

Леон скосил глаза. Место попадания темнело странным синяком, который не был синяком. Кожа там стала прозрачной. Сквозь нее, если приглядеться, пульсировал глубокий космос. Черные дыры, туманности, умирающие звезды. Та самая Бездна, которой служил его клинок, проросла сквозь плоть.

— Ты поделился со мной своим даром, — тихо сказал Леон. — Частицей Плача. — Я поделился с тобой лекарством, — улыбнулся Каэль. — Со временем лед в тебе победит. Ты станешь идеальным ножом. Перестанешь спать, есть, помнить лица тех немногих, кого еще способен назвать людьми. Станешь придатком трона. Моя эссенция начнет сжигать твои человеческие воспоминания. То, что ты чувствуешь сейчас — головокружение. Это просыпается жизнь. Настоящая жизнь, полная горя, радости и вкуса жесткой крольчатины. Выбор за тобой. Служить мертвому порядку... или стать частью живого хаоса.

Каэль щелкнул пальцами. Шторм исчез. Они снова стояли в адамантиновой пещере у маленького уютного костра.

Леон медленно положил руку на рукоять Черного бастарда. Клинок под ладонью дрожал, как запертый в клетке дикий зверь. Меч понимал: слова Каэля опаснее любой стали. Они предлагают альтернативу бесконечному холоду.

— Ты совершил ошибку, Каэль, — произнес Леон. Его собственный голос вдруг показался ему чужим, наполненным непривычными обертонами — в нем зазвучала ржавчина эмоций, которые он годами утрамбовывал льдом. — Ты показал мне, что можно чувствовать.

Он выхватил клинок. Черное лезвие покинуло ножны, издав звук открываемой древней гробницы. По стенам пещеры поползли трещины от мороза. — А чувствующих существ легче спровоцировать на атаку.

Леон не стал использовать сложные техники или магию глубин. Он поступил проще. Он швырнул в костер Каэля сгусток абсолютного нуля прямо из центра своей груди.

Огонь взвизгнул и погас, мгновенно покрывшись коркой льда толщиной в дюйм. Жареные корни разлетелись ледяной крошкой.

Каэль не успел встать. Леон преодолел расстояние между ними одним смазанным рывком, используя импульс падения температуры. Черный бастард устремился к горлу Древесного Плача.

Глаза Каэля расширились. В них промелькнуло уважение. — Вот теперь ты мне нравишься, мальчик!

Его рука перехватила лезвие голой ладонью. Раздался звук, с которым тысячетонный пресс давит стекло. Черный бастард — оружие, перерубающее богов — завяз в кисти Каэля. Плоть Древесного Плача не была плотью. Она состояла из плотно спрессованных волокон древесины, пропитанных смолой векового спокойствия.

— Грубовато, — фыркнул Каэль и сжал кулак.

Лезвие клинка хрустнуло. Осколки черной стали посыпались на адамантин, мгновенно тая, превращаясь в лужицы вязкой смолы.

Леон отшатнулся, зажимая кровоточащий порез на ладони — отдача от разрушения собственного симбионта обожгла нервы. Он остался без главного оружия против существа, которое невозможно убить физически, пока оно верит в свою правоту.

Каэль выдрал остатки клинка из руки и небрежно отбросил их в сторону. Осколки зашипели, прожигая камень. — Я надеялся избежать этого. Думал, мы договоримся интеллигентно. Но ты настаиваешь на драке. Хорошо. Покажи мне глубину своего голода, Тень.

Каэль развел руки в стороны. Его фигура начала расти, разрывая сюртук. Кожа на груди лопнула, и вместо ребер оттуда полезли толстые ветви терновника, покрытые ядовитыми цветами. Лицо удлинилось, превращаясь в хищную пасть древнего исполина.

Леон отпрыгнул назад, перекатываясь за ближайший сталагмит. Адреналин выжигал остатки сомнений. План изменился. Если нельзя убить душу, нужно разрушить сосуд. Адамантиновая пещера поможет в этом.

— Тишина! — крикнул Леон. — Ко мне! Жилу!

Гомункул, стоявший до этого неподвижно у входа, издал рев, от которого с потолка посыпалась порода. Он врезался плечом в основание ближайшей колонны, поддерживающей свод зала. Металл встретился с минералом. Адамантин выдержал, но по нему побежала паутина трещин.

Каэль отвлекся на нового противника. Древесный монстр повернул свою колоссальную голову к Эхо-Прайму. — Игрушка Велосипеда. Какая нелепость.

Он топнул ногой. Земля содрогнулась. Из пола вырвались десятки корней, устремляясь к Тишине, чтобы пронзить его механическое тело.

Леон воспользовался моментом. Пока Каэль играл с гомункулом, он подбежал к той самой колонне, которую начал ломать Эхо-Прайм. Адамантин. Источник природной антимагии. Если напитать его чистым страданием, он станет резонатором.

Леон прижал обе ладони к шершавой, холодной поверхности колонны. Он не стал сдерживать боль от разрушенного клинка. Он не стал прятать лед в груди. Он широко распахнул врата своей души, позволяя всему накопленному за десятилетия ужасу, всем поглощенным грехам графа Ренара, всем невыплаканным слезам мальчика-сироты хлынуть наружу.

— Ешь, — прошептал Леон камню. — Давись.

Колонна задрожала. Адамантин жадно впитывал предложенную отраву. Природная чистота металла вступила в реакцию с абсолютной грязью проклятой души. Камень пошел багровыми пятнами. По залу прокатился низкий гул, переходящий в ультразвук.

Каэль прекратил рвать Тишину на части. Его деревянные глаза-плошки обратились к Леонору. — Что ты творишь, идиот?! Ты же разнесешь здесь всё!

— Именно, — оскалился Леон. Впервые за долгое время его лицо исказила настоящая, неконтролируемая эмоция — безумная, торжествующая ярость.

Тишина, потерявшая одну руку и половину грудной пластины, поняла команду без слов. Гомункул схватил тяжелый обломок породы и с размаху ударил по начавшей пульсировать багровым светом колонне.

Адамантин взорвался.

Это не был взрыв камня. Это был выброс очищенного страдания. Концентрированный вопль миллионов жертв, прошедших через очистительную линзу антимагического минерала.

Глава 3. Случайная встреча

Взрыв адамантиновой колонны выбросил Леона из подземелий, словно пробку из бутылки прокисшего вина.

Ударная волна прокатилась по каменоломням Валериана, снося хрупкие деревянные крепи и поднимая тучи едкой известковой пыли. Пространство исказилось: на долю секунды законы физики сошли с ума, гравитация сменила вектор трижды, а само время попыталось завязаться в узел. Когда грохот затих, оставив после себя лишь звон в ушах и оседающий на зубах песок, Леон обнаружил себя лежащим лицом вниз посреди зарослей чертополоха.

Он выплюнул комок земли пополам с кровью. Тело болело так, словно его пропустили через камнедробилку. Ребра слева были сломаны — он чувствовал, как осколки кости царапают легкое при каждом вдохе. Правая рука висела плетью; плечевой сустав был вывихнут при ударе о поверхность скального выступа во время катапультирования из шахты. Черный бастард... от клинка осталась только рукоять, вплавившаяся в ладонь. Само лезвие испарилось, аннигилированное чистым страданием, которое Леон обрушил на антимагический камень.

Рядом застонал металл. Из-под завала старых крепежных балок медленно выбиралась Тишина. Зеркальная сфера на плечах гомункула пошла трещинами, отражая теперь не лицо Леона, а хаотичный узор разбитого калейдоскопа. Одна нога Эхо-Прайм была согнута под неестественным углом, гидравлика вытекала густой черной смазкой. — Носитель поврежден, — констатировал механический голос. — Эффективность боевых действий снижена до двенадцати процентов. Рекомендация: отступление и регенерация.

Леон попытался подняться. Мышцы отказались слушать. Внутри него больше не было привычного ледяного стержня, который обычно блокировал боль. Взрыв выжег слишком много эфира. Ледяная корка вокруг сердца дала глубокую трещину, и сквозь нее хлынула человеческая агония — пульсирующая, горячая, требующая кислорода.

— Белый Фарфор? — прохрипел Леон, оглядывая горизонт. Небо над северными холмами начало светлеть. До рассвета оставалось около часа. Каэль исчез. Древесный Плач либо погребен под тоннами породы, либо развоплотился, спасая ядро своей сущности. В любом случае, сегодня ночью они проиграли.

Тишина помог ему встать, подставив здоровое плечо. Вместе они поковыляли прочь от дымящихся руин каменоломен. Каждый шаг отдавался раскаленным гвоздем в пятках. Город встретил их предрассветной сыростью и вонью открытых сточных канав.

Северный квартал Альтуса называли «Гнилой Ямой». Здесь селились те, чье существование Империя признавала лишь для того, чтобы собирать налоги. Узкие улочки напоминали извилистый кишечник гигантского зверя, залитый помоями. Дома жались друг к другу, нависая вторыми этажами над мостовой так низко, что соседи могли пожать руки, не выходя из окон.

Здесь не было ни платиновых фонарей столицы, ни даже дешевых масляных ламп дворянских районов. Освещение Гнилой Ямы состояло из редких жаровен с углем да тусклого сияния гнилушек.

Леон опирался на Тишину, используя массивного гомункула как костыль. Прохожие — бледные тени в лохмотьях, бредущие на ранние смены на мануфактуры — шарахались от них. Вид огромного металлического человека, несущего на себе истекающего кровью аристократа в черном плаще, был достаточно диким, чтобы отпугнуть даже местных маргиналов. Никто не хотел знать подробностей чужого безумия.

Они остановились в тупике между кожевенной мастерской и общественной прачечной. Воздух здесь был густым от запаха аммиака и гниющих шкур. — Нужна перевязка, — просипел Леон. — И механика. Остановишься у стены.

Тишина прислонил хозяина к мокрому кирпичу и опустился на колени, открывая панель на своем бедре. Пока механические пальцы гомункула щелкали, вправляя собственный тазобедренный сустав, Леон закрыл глаза и погрузился в собственное тело взглядом Глубины. Картина была удручающей. Его энергетические каналы напоминали перегретые провода — они дымились и плавились изнутри. Дыра, оставленная стрелой Каэля в эфирном теле, расширялась. Если он не найдет способ закрыть ее в ближайшие часы, его собственная Бездна начнет поглощать его плоть снаружи внутрь.

Скрипнула дверь. Звук был тихим, но в утренней тишине квартала прозвучал как выстрел. Леон открыл глаза мгновенно, правая рука метнулась к поясу за кинжалом, которого там не оказалось — все оружие осталось в ножнах, сплавленных с кожей.

В дверном проеме одного из домов стояла девушка. На вид ей было не больше двадцати пяти. Уставшее лицо, обрамленное прядями волос цвета выгоревшей соломы, выбившихся из-под простого льняного чепца. Серое платье из грубой шерсти, испачканное на подоле чем-то темным — то ли травяной мазью, то ли старой кровью. В руках она сжимала корзину с пучками сушеных трав, источающих резкий запах шалфея и полыни.

Она увидела кровь. Увидела огромный металлический силуэт Тишины. Увидела мужчину в дорогой, хоть и порванной одежде, привалившегося к стене. Обычная реакция жителя трущоб — захлопнуть дверь и молиться. Девушка поступила иначе. Она поставила корзину на порог и сделала шаг вперед.

— Святые Хранители, — выдохнула она. Голос оказался неожиданно глубоким и спокойным, без визгливых нот страха. — Вы ранены. Что случилось? Нападение бандитов?

Ее взгляд скользнул по лицу Леона. Обычно люди избегали смотреть ему в глаза дольше мгновения — инстинктивно чувствовали пустоту или видели там отражение собственных грехов. Но эта девушка смотрела прямо. Ее глаза оказались редкого, почти прозрачного серого цвета, похожего на зимнее небо перед снегопадом. В них не было ни капли суеверного ужаса. Только бесконечное, профессиональное сострадание врача, увидевшего очередного пострадавшего.

— Мы упали, — коротко бросил Леон. Он пытался вернуть голосу привычный мертвый тон, но пересохшее горло выдало лишь каркающий сип.

Девушка подошла ближе. От нее пахло медом, дешевым вином и антисептиками. Это сбивало с толку сильнее, чем прямая атака Белого Фарфора. — С такой высоты можно убиться насмерть, — спокойно заметила она, глядя на кровоточащую грудь Леона. — Меня зовут Элизабет. Я держу лечебницу за поворотом, у старого дуба. Хотя сейчас это просто две лавки и котел с кипятком. Позвольте помочь?

Леон напрягся. Каждая клетка его существа кричала об опасности. Инстинкты убийцы вопили, что нельзя подпускать посторонних к телу, где половина органов работает на запрещенной магии. Одно прикосновение целителя может обнаружить инородную сущность внутри него. Или, что еще хуже, увидеть душу графа Ренара, которая ворочалась в желудке, пытаясь переварить своего нового хозяина.

— Уходи, — приказал Леон. — Это дело Короны.

Элизабет слегка наклонила голову набок, рассматривая его. Затем ее взгляд упал на правую руку Леона. Там, где должна была быть ладонь, из перчатки торчал черный зазубренный обломок металла — все, что осталось от верного клинка. Ее брови удивленно приподнялись. — Дело Короны выглядит очень плохо, если судить по состоянию вашего железа, господин.

Она решительно перешагнула через лужу нечистот и оказалась вплотную к нему. Прежде чем Леон успел отстраниться или оттолкнуть ее, тонкие, но удивительно сильные пальцы коснулись его шеи.

И мир взорвался во второй раз за эту ночь.

Но этот взрыв не имел ничего общего с камнем и болью. Это был свет.

Как только кожа девушки соприкоснулась с кожей Леона, магическое зрение активировалось само собой, вопреки его воле. Леон увидел Элизабет целиком — не как набор костей и мышц, а как источник излучения.

Если души обычных людей горели тусклыми желтыми свечами, а душа убитого курьера зияла дырой, то Элизабет... Она была солнцем.

Сгусток ослепительно белого, чистого пламени бил прямо из центра ее груди. Свет расходился волнами, проникая сквозь кирпичные стены дома, сквозь грязную одежду самого Леона, сквозь броню Тишины. Этот свет не обжигал сетчатку — он ласкал ее. Он пел. Каждая частица этого сияния вибрировала на частоте абсолютного принятия. В ней не было теней. Вообще. Ни единого темного пятна сомнений, зависти или скрытой злобы. Даже страх смерти, естественный для любого живого, в ней присутствовал лишь как легкая серебристая окантовка, придающая ценность жизни.

Леон физически отшатнулся, врезавшись затылком в стену. Боль вспыхнула в шее, но он ее не заметил. Боль была другой. Свет Элизабет вонзился в трещины его собственной ауры, как раскаленные спицы. Там, где касались ее пальцы, удерживающие его за сонную артерию, лед в венах Леона начал стремительно таять. Не контролируемым разрядом силы, а обычным физическим теплом. Кожа покраснела. По щекам, впервые за двадцать лет, пополз румянец.

— Тише, — мягко сказала Элизабет, придерживая его голову, пока он слепо моргал, пытаясь прогнать пляшущие перед глазами белые пятна. — Вы дрожите. Лихорадка сотрясает вас. Большая потеря крови. Нужно срочно поднять давление.

Она говорила обычные медицинские термины, но для Леона каждое слово звучало как откровение свыше. Как такое возможно? Как смертная женщина может носить в себе столько святости и при этом жить в Гнилой Яме, среди вшей и отчаяния?

— Ты... ты светлая, — прошептал Леон. Слово вырвалось случайно, сорвавшееся с губ описание диагноза, но оно прозвучало как признание в любви или ересь.

Элизабет тихо рассмеялась. Смех был теплым, как пар от свежесваренного чая. — Скорее, я просто хорошо моюсь и верю в чистоту намерений, господин. Помогите мне довести его до лавки, — обратилась она вдруг к Тишине.

Гомункул замер, обрабатывая данные. Команда "помогать" от лица, излучающего такую плотность жизни, вступала в конфликт с базовым протоколом защиты носителя. Однако отсутствие агрессии в спектре Элизабет заставило сервоприводы Тишины сработать. Он послушно поднял Леона на руки, словно ребенка. Леон ожидал, что металлические объятия будут холодными, но корпус Эхо-Прайм уже нагрелся от близости источника света.

Лечебница действительно оказалась крошечным помещением. Один стол, два стула, жестяная ванна в углу и невероятное количество горшочков с растениями. Они стояли везде: на полках, подвешенные к потолку в тряпичных кашпо, выстроившиеся рядами на подоконнике. Зелень буквально дышала, создавая в комнате свой микроклимат.

Тишина осторожно уложил Леона на одну из деревянных лавок. Дерево протестующе скрипнуло под весом брони. Элизабет тут же принялась хлопотать. Она подбежала к очагу, плеснула воды из ведра в медный котел, стоявший наготове с вечера, и раздула угли мехами. Огонь занялся быстро.

— Снимите куртку, — приказала она, поворачиваясь к Леону с мотком чистых бинтов в руках.

Леон смотрел на нее снизу вверх. Он лежал в самом центре комнаты, и поток ее света проходил сквозь него насквозь. Это было невыносимо. Каждое мгновение нахождения в этом сиянии вымывало из него тьму. А тьма сопротивлялась. Где-то в районе диафрагмы глухо зарычал граф Ренар — астральный паразит почувствовал угрозу своему существованию.

— Я... могу заразить тебя, — выдавил Леон. Горло саднило. — Судя по цвету вашей кожи и звуку дыхания, вы заражены воспалением легких и переломом трех ребер, — невоз-

мутимо ответила Элизабет, проверяя температуру котла рукой. — Это лечится. Раздевайтесь. Металлический человек, отвернись, смущаешь пациента.

Тишина издал звук, похожий на скрежет задумавшегося механизма, и демонстративно повернул свою зеркальную голову к двери, уставившись на грязь улицы.

Леон начал расстегивать ремни брони. Пальцы не слушались. Привычные крепления казались чужими. Когда тяжелый кожаный колет упал на пол, обнажив торс, Элизабет тихо ахнула.

Дело было не в ранах. Кровоподтеки сливались в один сплошной черно-багровый синяк, левая сторона грудной клетки превратилась в месиво — последствия взрыва адамантина. Нет, девушку поразило другое.

Под кожей Леона, вдоль ребер, шел сложный узор татуировки. Черные линии переплетались, образуя схему замков, печатей и сдерживающих контуров. Это были не украшения. Это были цепи. Магические путы, которые Император наложил на свое живое оружие, чтобы контролировать уровень высвобождаемой Бездны.

— Кто это с вами сделал? — выдохнула Элизабет, наклоняясь ниже. Профессиональное любопытство врача временно победило осторожность. Она провела пальцем в воздухе рядом с ключицей Леона, не касаясь кожи, отслеживая потоки энергии печатей. — Эти узлы... они перекрывают ток лимфы и жизненной силы. Ваше тело постоянно находится в состоянии ауто-иммунной атаки на самого себя. Вы...

Она подняла глаза. Их взгляды встретились. Расстояние между лицами сократилось до ладони. — Вы сами себя запираете в тюрьму, — закончила она шепотом.

Леон забыл, как дышать. Он смотрел в ее серые глаза и видел там отражение собственного уродства. Рядом с ее солнечным светом его душа выглядела как кусок угля, пролежавший тысячу лет в болоте. Фиолетовые прожилки проклятой магии, черные точки поглощенных душ, мертвенная бледность вечного холода. Ему стало стыдно. Впервые за десятилетия службы стыд оказался физической величиной — горячим спазмом под ложечкой.

— Так нужно, — хрипло сказал он, отводя взгляд. — Для безопасности.

— Безопасности кого? — спросила Элизабет, беря со стола ножницы. — Вас лишили возможности исцеляться естественным путем. При такой травме обычный солдат давно бы умер от внутреннего кровотечения, мобилизовав ресурсы организма. Ваши печати блокируют свертывание. Поэтому вы продолжаете терять кровь, хотя сердце бьется ровно.

Она начала аккуратно разрезать пропитанный кровью рукав его нательной рубахи, стараясь не потревожить сломанную руку. — Закройте глаза. Свет будет мешать, но он вытянет лихорадку. Дышите глубже. Я знаю, что вам больно, но сопротивление только усилит спазм.

Ее руки действовали уверенно и мягко. Когда теплые пальцы коснулись кожи вокруг раны на груди, очищая ее от грязи влажным куском ткани, Леон непроизвольно дернулся. Боль была острой, режущей. Но вместе с ней пришло нечто иное.

От рук Элизабет исходило тепло иного порядка. Это не было магией лечения — он узнал бы структуру целительного потока. Это было простое человеческое милосердие, настолько концентрированное, что оно приобретало физические свойства.

Когда ткань коснулась краев рваной раны, нанесенной осколком камня, Леон вскрикнул. Но крик застрял у него в горле, превратившись в стон. Его внутреннее зрение, работающее бесконтрольно, показало невозможную картину. Золотистые нити света от пальцев Элизабет начали проникать сквозь поры его кожи. Они не атаковали тьму внутри. Они искали повреждения. Найдя разорванный сосуд или лопнувшую связку, нить обвивала его, сплетаясь в прочный каркас.

Граф Ренар внутри желудка забился в истерике. Чужой свет причинял душе предателя муки похлеще каленого железа. Нити Элизабет проходили опасно близко к паразиту, и тот выл, умоляя Леона убить целительницу немедленно.

— Тихо, — прошептала Элизабет, заметив, как побелели костяшки пальцев Леона, вцепившихся в край лавки. — Я знаю, что страшно. Выпустите это. Не держите в себе.

Она имела в виду физическую боль. Но Леон услышал другое. «Выпусти это».

Контроль дрогнул. Печати на его груди, реагируя на внешнее вмешательство, пошли мелкой сеткой трещин. Малая доза подавленной жизненной силы — той самой, которую он крал у своих жертв годами — хлынула наружу, смешиваясь со светом Элизабет.

Комната внезапно наполнилась запахом озона и цветущего вереска одновременно. Две противоположности столкнулись внутри тела Леона. Холод попытался заморозить ее свет, но свет растопил его лед, обратив в густой, тяжелый туман.

Леон зажмурился до разноцветных пятен. Его сердце, привыкшее биться размеренно и редко, пропустило удар. Потом еще один. Оно ускорялось, разгоняемое чужой энергией. Кровь быстрее побежала по жилам, смывая токсины усталости.

— Вот так, — голос Элизабет доносился будто сквозь слой ваты. — Выгорание поля. Классическая ошибка боевых магов-одиночек. Вы отдаете всю энергию вовне и забываете наполнить чашу снова. Ваша ци-система истощена до дна.

Она закончила промывать рану. Достала из корзины пучок сухих листьев, растерла их в ладонях, посыпая рану терпко пахнущим порошком, останавливающим кровь. Затем взяла иглу с жилой.

— Будет неприятно, — предупредила она, перехватывая его предплечье.

Шитье началось. Игла протыкала кожу. Обычному человеку это доставило бы страдания. Леон чувствовал каждый укол, но боль странным образом трансформировалась. Она переставала быть наказанием и становилась фактом. Просто процессом. Рядом с Элизабет невозможно было ненавидеть собственную чувствительность. Она возвращала ему право чувствовать.

Пока она работала, Леон позволил себе расслабиться впервые с момента убийства графа Ренара. Он откинул голову назад, глядя в низкий потолок, по которому полз паук. Он смотрел на Элизабет своим истинным зрением. Теперь, когда первая слепящая яркость притупилась адаптацией, он мог различать детали. Вокруг ее головы сиял едва заметный золотой нимб — признак абсолютной чистоты совести. В ее прошлом не было убийств. Были потери — тонкий серый шрам на ауре в области сердца говорил о гибели кого-то близкого, вероятно, мужа или отца. Но эта потеря не отравила ее ненавистью. Напротив, она стала топливом для ее дара помогать другим.

— Почему вы живете здесь? — спросил Леон. Вопрос вырвался сам собой, прежде чем фильтры вежливости успели его остановить.

Игла на секунду замерла. Элизабет посмотрела на него поверх переносицы. — Потому что здесь болит сильнее всего, господин. А значит, помощь нужнее. В Верхнем городе живут сытые ипохондрики. Им скучно, и они придумывают себе болезни нервов. Здесь мать теряет ребенка от кашля, потому что нет денег на щепотку коры ивы. Выбор очевиден, не находите?

Логика была безупречной. Жестокой в своей простоте. Леон подумал о дворце Императора. О стерильных коридорах, где никто никогда не предлагает помощь незнакомцу, истекающему кровью, потому что боятся испачкать туфли.

— Вы боитесь меня? — спросил он, наблюдая, как ловко движутся ее пальцы, затягивая узел на очередном шве.

Элизабет закрепила последний узел и отрезала жилу. Критически осмотрела свою работу — ровная линия стежков стягивала края рваной мышцы. — Я боюсь тех, кто наслаждается чужой болью, — честно ответила она, промокая лоб тыльной стороной запястья. На коже остался след копоты. — Вы страдаете. Люди, которые страдают так глубоко, редко бывают палачами. Чаще всего они — жертвы. Или самые строгие судьи самим себе.

Она отошла к столу, чтобы сменить воду в миске. Воспользовавшись моментом, Леон судорожно втянул воздух. Жар ее присутствия чуть ослаб, и он смог наконец взять под

контроль свои собственные проявления. Печати на груди сомкнулись, запечатывая остатки вырвавшейся тьмы обратно. Румянец на щеках начал спадать, уступая место привычной бледности. Сердце замедляло ритм, возвращаясь к рабочему режиму машины.

— Ваш металлический спутник странно смотрит, — сказала Элизабет, кивнув в сторону Тишины. Гомункул по-прежнему стоял лицом к двери, но его зеркало-голова мелко подрагивало. Он пытался обработать феномен Элизабет. В базе данных Тайной канцелярии не существовало записей о людях с нулевым индексом греха. Такие аномалии должны уничтожаться как угроза стабильности психики граждан. Но программа лояльности к носителю (Леону) конфликтовала с программой ликвидации угрозы. Процессор гомункула перегревался.

— Он охраняет периметр, — солгал Леон. Горло снова стало сухим и шершавым, но теперь это была обычная сухость обезвоживания, а не симптом распада личности.

Элиза вернулась с кружкой. Над ней поднимался пар. Запах ромашки, мяты и чего-то сладкого, медового. — Выпейте. Медленно. Это восстановит объем жидкости и успокоит вашу... печать. Та штука на вашей груди пульсирует в такт вашему гневу. Старайтесь не думать о плохом, пока пьете.

Леон принял кружку левой, здоровой рукой. Керамика показалась ему обжигающе горячей, но он почти не ощутил боли. Он посмотрел на жидкость. Обычный отвар. Но для него, чья диета последние годы состояла из жидких питательных смесей и редких глотков вина, этот простой чай казался величайшим сокровищем мира.

Он сделал глоток. Тепло спустилось по пищеводу, распускаясь в животе мягким шаром. Граф Ренар внутри недовольно булькнул, обожженный целебными травами, но притих.

— Как ваше имя? — спросила Элизабет, собирая окровавленные тряпки в таз. — Называть вас «господин» неудобно, когда моешь ваши раны.

Вопрос повис в воздухе. Леон сглотнул остатки чая. Имя. Атрей. Имя мальчика, которым он был давным-давно. Имя, которое постепенно стиралось из Книги Судеб, как предупреждал Вейл. Осталось только функциональное обозначение. Орудие.

— Леон, — произнес он. Звук собственного имени, сказанного вслух другому человеку, прозвучал фальшиво. Казалось, он присвоил чужую личность.

— Леон, — повторила Элизабет, улынувшись уголком губ. — Странное имя для этих мест. Означает «лев». Впрочем, учитывая ваш взгляд, подходит. Только очень, очень уставший лев. Вам нужно поспать. Швы продержатся три дня, потом я сниму их. Оставайтесь здесь до полудня, солнце убьет остатки лихорадки лучше моих трав.

Она права. Солнечный свет для него ядовит, мысленно поправил Леон. Он убивает бактерии, но питает первородную тьму внутри него, делая ее нестабильной. Если он останется здесь после восхода, печати могут не выдержать прямого ультрафиолета.

— Мне нужно идти, — Леон поставил пустую кружку на край стола. Движение получилось слишком резким. Тело напомнило о переломах тупой вспышкой боли. — Куда вы пойдете в таком виде? — Элизабет всплеснула руками. — Вас первый патруль стражи заберет за бродяжничество и нарушение общественного порядка. Вы еле стоите. Броня весит больше, чем вы сейчас.

— Меня не увидит патруль, — Леон встал. Пол качнулся, но устоял. Он подобрал с пола свой разрезанный рукав и неловко натянул его на плечо. — Спасибо за помощь. Я... запомню твою доброту.

Элизабет внимательно посмотрела на него, склонив голову. Она явно чувствовала, что он говорит неправду относительно патрулей, но решила не настаивать. Опыт жизни в Гнилой Яме научил ее не задавать лишних вопросов людям с опасными глазами. — Добротой сыт не будешь, Леон. Но иногда она помогает дожить до завтра. Приходите вечером, я заварю вам укрепляющий сбор. За счет заведения. Долг платежом красен, даже если пациент предпочитает спать в сточной канаве.

Она шутила, пытаясь разрядить напряжение. Леон не понял механику шутки сразу, но скопировал движение ее губ — подобие улыбки. Со стороны это наверняка выглядело как судорога.

Он направился к выходу. Тишина бесшумно последовал за ним, проходя мимо Элизабет. Поток теплого воздуха от его движения колыхнул волосы целительницы. Она проводила гомункула заинтересованным взглядом инженера, увидевшего новый механизм.

Леон взялся за ручку двери. Обернулся в последний раз. Элизабет стояла спиной к нему, перебирая пузырьки на полке. Утреннее солнце, встававшее над крышами, наконец нашло щель в ставнях и бросило луч внутрь комнаты. Луч золотистой пылью лег на плечи девушки, на ее шею, на собранные в небрежный узел волосы.

В этот момент она выглядела не как жительница трущоб. Она выглядела как фрагмент иконы, написанной сумасшедшим богом, решившим создать совершенство и спрятать его на дне выгребной ямы, чтобы проверить, найдут ли его ангелы.

Дверь закрылась за ними, отсекая свет. Улица встретила их прохладой и вонью. Контраст был таким сильным, что Леона замутило. Переход от святости к грязи произошел за одно движение дверной ручки.

— Анализ объекта «Элизабет», — передал мыслекоманду Леон, выходя в переулок. *«Биологический возраст: двадцать шесть стандартных циклов, — отозвалась Тишина. — Физическое состояние: истощение первой степени, микоз стоп, дефицит витамина С. Психологический профиль: эмпатия критического уровня. Индекс потенциальной угрозы для Носителя: девяносто восемь баллов из ста».*

— Угрозы? — переспросил Леон, переходя на быстрый шаг, стремясь как можно скорее покинуть квартал. Следующий патруль должен пройти здесь через десять минут. *«Объект способен дестабилизировать вашу нервную систему проявлением альтруизма. Наблюдались неконтролируемые микроразрывы протоколов подавления эмоций. Риск активации человеческого фактора — максимальный зафиксированный за период эксплуатации».*

Леон остановился в тени арки, ведущей на более оживленную улицу. Сунул руку за пазуху. Место, куда прильнули швы Элизабет, горело приятным огнем. Человеческий фактор. Император собирал его из пепла и льда именно затем, чтобы уничтожить этот фактор. И вот одна случайная встреча в грязном квартале сводит на нет десятилетия психологической обработки.

— Установи наблюдение, — глухо приказал Леон. — Дальний контур. Не вмешиваться. Докладывать о перемещениях. *«Цель?» — Архитектор Вейл захочет узнать, есть ли в Альтусе другие источники подобной интенсивности. Это может быть связано с Белым Фарфором. Чистота такого уровня часто является противовесом великой скверны.*

Это была ложь. Хорошая, профессиональная ложь офицера разведки. Леон знал правду. Он просто хотел иметь повод вернуться. Хотел убедиться, что солнце, спрятанное в этой девушке, никуда не делось. Что оно способно светить даже для такого чудовища, как он. Возможно, если смотреть на него достаточно долго, часть этого света сможет пережечь ту гниль, которую оставил в нем Каэль.

— Принято, — прошелестела Тишина. — Маяк установлен. Объект локализован. Начинаю отход.

Гомункул растворился в тенях мусорных баков. Леон вышел на главную улицу. Первый утренний патруль городской стражи — двое сонных мужиков с алебардами — равнодушно скользнули по нему взглядами. Они увидели лишь высокого худощавого господина в пыльном плаще, спешащего по своим делам. Никаких следов бойни в каменоломнях. Никакой крови. Иллюзия нормальности сработала идеально.

Только сам Леон знал, что он больше не идеален. Клинок разрушен. Преследуемый враг ушел. А внутри грудной клетки, там, где раньше была только сосущая пустота долга, теперь пульсировало чужое тепло, отзываясь на каждый шаг тупой, ноющей надеждой.

Архитектор Вейл будет в ярости. Но сейчас Леона это волновало меньше всего. Впереди был целый день поисков Белого Фарфора, балансирования на грани распада личности и служения Императору.

А вечером, если он останется жив, его ждал укрепляющий сбор из рук женщины, чей свет делал боль оправданной.

Глава 4. Таверна «Пьяный Грифон»

День в Альтусе тянулся бесконечно.

Для Леона, привыкшего к стерильным сумеркам дворцовых переходов и абсолютной темноте катакомб, солнечный свет стал физическим испытанием. После визита в лечебницу Элизабет его защитные печати дали микротрещину. Теперь ультрафиолет не просто раздражал кожу — он резонировал с Бездной внутри него. Каждый луч солнца, пробивающийся сквозь черепицу крыш, ощущался как игла из раскаленного серебра, вонзающаяся прямо в нервные узлы.

Он провел утро на чердаке заброшенного склада, глядя через щель в гнилых досках на перекресток перед ратушей. Тишина дежурил внизу, слившись с тенью телеги золотаря. Гомункул был идеальным инструментом слежки: ему не нужно было есть, пить или моргать. Каждые полчаса он транслировал Леонору ментальный слепок площади. Никаких следов Белого Фарфора. Город жил своей обычной жизнью: торговцы ругались из-за места, стражники лениво собирали мзду с лотошников, нищие дрались за объедки.

Леон чувствовал себя отвратительно. Раны от взрыва в шахте затянулись быстрее, чем у обычного человека — регенерация проклятых делала свое дело, — но внутренняя пустота, оставшаяся после разрушения Черного бастарда, ныла фантомной болью. Клинок был частью его нервной системы. Потерять его — все равно что лишиться руки. Теперь левая ладонь была пуста, а правая сжимала лишь обломанную рукоять, вплавленную в плоть. Без полноценного проводника высвобождать тьму становилось рискованно. Одно неверное движение воли, и энергия начнет пожирать его собственные мышцы вместо цели.

Связь с Дворцом молчала. Архитектор Вейл наверняка зафиксировал аномальный выброс энергии в северной части города, но пока не выходил на связь. Это давало Леонору временное окно свободы. И этим окном он собирался воспользоваться для поиска Каэля.

К полудню след Древесного Плача проявился снова. Тонкая нить духовного вакуума потянулась из уважаемого Верхнего города вниз, в лабиринт припортовых улочек. Цель перемещалась быстро, хаотично, словно проверяла, нет ли хвоста. Но вакуум невозможно скрыть полностью. Там, где прошел Каэль, магические амулеты гасли, а собаки начинали выть, чуя запах смерти.

Информатор ждал в месте под названием «Пьяный Грифон».

Таверна располагалась в Нижнем порту, там, где брусчатка сменялась скользкими от водорослей досками причалов. Район пах рыбой, дегтем, дешевым табаком и безнадежностью. Вывеска заведения изображала птицу, которая выглядела так, будто только что совершила крутое пике в бочку с элем и теперь пыталась понять, почему небо перевернулось.

Леон оставил Тишину в переулке через дорогу. Гомункул занял позицию у водостока, деактивировав внешние огни. Для случайного прохожего он выглядел как груда ржавого хлама.

Сам Леон вошел в «Грифона» через главный вход. Ему пришлось пригнуться, чтобы не снести притолоку лбом. Внутри царил вечный вечер. Свет давали лишь редкие сальные свечи, копоть которых покрывала потолок замысловатым черным узором. Воздух стоял плотной сизой массой, которую можно было резать ножом.

Здесь собрались сливки общества дна: контрабандисты с руками по локоть в чужой крови, портовые шлюхи, чьи улыбки стоили медяк, и речные крысы — мелкие воришки, готовые убить за сапоги пьяного матроса. Разговоры стихали, когда массивная фигура Леона проходила между столами. Его плащ казался здесь слишком чистым, осанка — слишком прямой, а взгляд фиолетовых глаз заставлял самых отчаянных головорезов опускать лица в кружки.

Хозяин, одноглазый детина со шрамом от уха до подбородка, начал медленно-медленно тянуться под стойку, где наверняка лежал заряженный арбалет. Леон проигнорировал его. Он шел к дальней стене, к столу, утопленному в глубокой тени. Там, надвинув капюшон грязного плаща так низко, что виден был лишь заросший седой щетиной подбородок, сидел Гнус.

Гнус был лучшим информатором Тайной канцелярии на всем западном побережье. Он продавал секреты Империи уже тридцать лет и оставался жив исключительно потому, что знал цену информации и никогда не пытался обмануть покупателя дважды. Говорили, что однажды он продал собственную мать гильдии убийц, чтобы оплатить карточный долг, и даже тогда умудрился получить процент с сделки.

— Ты опоздал, Атрей, — проскрипел Гнус, не поворачивая головы. Перед ним стояла тарелка с подозрительным мясом, которое даже местные мухи облетали стороной. — Я заказал лучший кусок требухи. Остынет — будешь должен.

— Сними капюшон, — голос Леона прозвучал глухо. Здесь, среди вонючей грязи, остатки света Элизабет начали тускнеть, и лед возвращался в его вены.

Гнус медленно поднял голову. У него не было носа — сгнил от дурной болезни еще в молодости. Вместо него зияли две черные дыры, шевелящиеся при дыхании, словно норы земляных червей. Один глаз был стеклянным, второй — мутным, белесым бельмом. — Новости стоят дорого, мальчик. Особенно сегодня. Белый Ветер дует с севера. Гильдия наемников подняла цены втрое. Все ищут кого-то очень важного.

— Кого? — Леон положил руку на стол. Дерево под его пальцами начало покрываться инеем.

— Человека без лица, — Гнус усмехнулся, обнажив почерневшие десны. — Станный клиент. Платит золотом Старой династии. Не торгуется. Нанял половину местных громил прочесать доки. Ищут парня в сером плаще. Или девку. Описание плавает. Но платят за мертвецов. Живыми брать бояться.

Каэль. Он набирает армию отбросов. Зачем древнему существу нужны живые щиты? — Где база найма? — спросил Леон.

— Склад номер четырнадцать в Рыбном ряду, — прошептал Гнус, воровато оглядываясь. — Но это ловушка, Атрей. Я видел, как этот «серый» разговаривает с тенями. Те, кто идет к нему на службу, возвращаются... измененными. Пустыми. Как выпитые бутылки.

Это подтверждало теорию о поглощении душ. Каэль готовил массовое жертвоприношение или собирал энергию для ритуала открытия чего-то действительно масштабного.

— Держи, — Леон бросил на стол тяжелый кожаный мешочек. Золото звякнуло глухо. — Если узнаешь, куда он направится после склада...

Договорить он не успел.

События в дешевых тавернах имеют свойство развиваться стремительно и нелогично. Дверь «Грифона» с грохотом распахнулась, ударившись о стену. Вместе с порывом свежего воздуха, запахом моря и криками чаек внутрь ввалились трое. Моряки с торговой галеры «Жадность», судя по татуировкам якоря на бычьих шеях. Они были пьяны настолько, что их вестибулярный аппарат давно сдался.

Их целью стала девушка, сидевшая за соседним столом. Элизабет.

Леон замер. Кровь в жилах превратилась в жидкий азот. Откуда она здесь? Что цельница из трущоб делает в этой клоаке, кишасей сифилисом и ножевыми ранениями? Она сидела одна, держа в руках глиняную чашку. На ней было то же простое серое платье, поверх которого небрежно накинута потертая кожаная куртка явно с чужого плеча. Она выглядела здесь неуместно, как ромашка, проросшая сквозь труп.

Моряк, самый крупный, с перебитым носом, тяжело оперся на ее столик. Его тень полностью скрыла девушку от света единственной свечи. — Эй, цыпочка, — просипел он, дыша

перегаром и луком. — Скучаем? Пойдешь с нами на корабль. Капитан любит свежатинку. Мы тебя научим любить море.

Его дружки заготowali, хватаясь за дубинки. Остальные посетители таверны предпочли уткнуться в свои тарелки. Портовая этика гласила: если ты не платишь страже за защиту, твои проблемы — это корм для рыб.

Элизабет подняла глаза. Леон, наблюдавший за ней сквозь полуопущенные ресницы, увидел ту самую вспышку чистого белого огня. Девушка не испугалась. Ее лицо стало жестким, собранным. Так выглядит лекарь перед ампутацией зараженной конечности. — Джентльмены ошиблись адресом, — ровно сказала она. — Я занята.

— Ты сейчас станешь очень занятой, — заржал моряк и попытался схватить ее за запястье.

То, что произошло дальше, противоречило законам физики этого квартала. Девушка не закричала. Она двигалась одним текучим движением, которому позавидовала бы сама Тень. Она не встала — она перетекла вбок, уходя с линии захвата. Ее колено с хрустом впечаталось в бок мужчины. Звук был таким отчетливым, что перекрыл гул таверны. Ребра сложились гармошкой. Моряк рухнул на колени, пытаясь вдохнуть выбитые легкие.

Второй нападающий замахнулся короткой абордажной саблей. Элизабет перехватила его кисть левой рукой — простым поворотом кисти, используя инерцию удара против самого нападающего. Хруст ломаемой лучевой кости разнесся по залу. Сабля упала на пол. Правым локтем девушка врезалась мужчине в кадык. Тот захрипел и упал лицом в плевательницу.

Третий пират оказался чуть умнее. Он достал тесак и бросился сзади, пока двое его друзей корчились на полу.

Элизабет развернулась. В ее руке блеснула сталь. Не кухонный нож — тонкий стилет длиной в ладонь, который секунду назад отсутствовал. Лезвие вошло точно в бедренную артерию атакующего. Мужчина споткнулся, сделал два шага по инерции и начал оседать, окрашивая липкие доски пола в густой багровый цвет.

В зале повисла тишина. Только трещали свечи и хрипели раненые. Элизабет вытерла лезвие стилета о куртку ближайшего налетчика и спрятала его обратно в рукав. Она поправила сбившийся чепчик, подошла к своему столу, допила остывший отвар из чашки и аккуратно поставила ее на блюде. Затем повернулась к хозяину таверны. — За беспокойство. И вызовите лекаря для того, выживет. Артерию я не задела, жить будет.

Она двинулась к выходу. Посетители расступались перед ней, как Красное море перед Моисеем. Страх перед человеком, способным убить троих вооруженных мужчин за время, пока падает перышко, был сильнее страха перед городской стражей.

Леон смотрел на нее, забыв дышать. Информация Гнуса вылетела из головы. Весь мир сузился до силуэта девушки, выходящей в серый дневной свет. *«Объект демонстрирует навыки владения холодным оружием уровня "Мастер клинка"»,* — бесстрастно доложила Тишина, чей наблюдательный контур работал непрерывно. — *«Вероятность совпадения навыков боя и профиля целителя составляет 0.04%. Объект лгал».*

— Она не лгала, — тихо ответил Леон. — Она просто недоговаривала.

Он поднялся из-за стола. Гнус молча придвинул к себе мешочек с золотом и начал пересчитывать монеты, делая вид, что ничего не произошло. Леон вышел из таверны вслед за Элизабет.

Улица встретила его шумом порта. Телеги, крики грузчиков, вонь рыбы. Элизабет шла быстрым шагом в сторону складов, удаляясь от центральных улиц. Она не бежала, но двигалась с такой эффективностью, что расстояние между ними росло.

Леон позволил ей уйти вперед на двадцать шагов. Затем активировал шаг тени. Переход в нематериальное состояние требовал концентрации. Сейчас, без полного слияния с клинком,

это давалось труднее. Мир вокруг смазлся, звуки стали тягучими, как смола. Камни мостовой потеряли плотность. Леон растворился в собственной тени и рванулся вперед, сокращая дистанцию беззвучной черной волной.

Они миновали Рыбный ряд. Элизабет свернула в узкий проход между двумя пакгаузами, пропахшими селедкой и солью. Место идеальное для засады. Или для избавления от хвоста.

Леон приготовился выйти из тени прямо перед ней, потребовать объяснений. Почему жрица света дерется как глава гильдии убийц? Почему живет в Гнилой Яме? Что связывает ее с Белым Фарфором?

Но планам не суждено было сбыться. Элизабет внезапно остановилась посреди прохода. Она резко обернулась, глядя прямо туда, где должна была быть голова Леона в режиме тени. Ее серые глаза расширились. Она не видела саму фигуру — находясь в состоянии межпространственного перехода, Леон невидим для обычного зрения. Но она почувствовала изменение температуры. Проход похолодел градусов на десять. Пар изо рта девушки превратился в облачко.

— Выходи, — громко сказала она в пространство. Голос отразился от мокрых стен. — Я знаю, что ты там. Ты исчез из таверны. Просто растворился в воздухе. Люди так не умеют.

Сердце Леона — тот механический орган, что разгонял проклятую кровь — сделало сбой. Впервые за десятилетия охоты жертва обнаружила его *до* атаки. Он принял решение за долю секунды. Продолжать прятаться бессмысленно. Если она заметила фоновое излучение, значит, скоро заметит и структуру.

Чернильная мгла уплотниться. Из пустой тени прохода соткалась высокая фигура в черном плаще. Фиолетовые угли глаз уставились на девушку. Элизабет не вскрикнула. Она отступила на шаг, инстинктивно принимая защитную стойку, выставив левую ногу вперед, вес тела перенесен на правую. Кулаки сжаты. Стилет снова появился в правой руке — он прятала его в специальном зажиме на предплечье под рукавом.

— Кто ты? — спросила она. В голосе не было паники. Был исследовательский интерес ученого, столкнувшегося с новым видом ядовитой змеи.

— Тот, кому ты обязана вопросами вместо могилы, — ответил Леон. Он встал расслабленно, опустив руки вдоль тела. Демонстрация отсутствия агрессии. — Твои навыки впечатляют. Целители обычно не дробят гортань локтем.

— Жизнь многогранна, — парировала Элизабет. Она не опускала оружия, но и не нападала. — А твоя манера здороваться пугает детей. Зачем ты следишь за мной?

— Я следил не за тобой. Я искал информацию. Ты оказалась рядом. Случайность.

— В этом городе нет случайностей, Леон, — она произнесла его имя легко, словно они обсуждали погоду. — Особенно возле «Пьяного Грифона». Если тебе нужен был информатор, ты нашел лучшего. Значит, твой интерес связан с тем троими в масках, которые вчера скупил весь запас болтов в оружейной лавке Зорга. Я права?

Леон напрягся. Откуда она знает про людей Каэля? Склады впереди, откуда пришла Элизабет, внезапно ожили. Послышался скрип тяжелых петель. Дверь четырнадцатого склада — той самой базы найма — начала открываться. Изнутри пахло сыростью, кровью и старой рыбой.

— Тебе лучше уйти, — процедил Леон. — То, что выйдет оттуда, разорвет тебя пополам раньше, чем ты успеешь занести свой нож.

— Я врач, Леон, — спокойно ответила Элизабет. — Моя работа — бежать навстречу тому, что разрывает людей пополам.

Из склада вывалилась группа. Четверо. Огромные, широкоплечие, одетые в одинаковую грубую кожу. Лица скрывали повязки из мешковины. В руках тяжелые клевцы и топоры. Они вышли на охоту. Их взгляды метались по улице, оценивая потенциальных жертв.

Один из них заметил пару в тупике. Ткнул пальцем. Утробно зарычал — слов не требовалось. Группа начала расходиться полукругом, отрезая путь к отступлению обоим.

— Видишь? — Леон снял плащ с одного плеча, освобождая доступ к оружию. Хотя оружие его было сломано, остаточная мощь клинка все еще дремала в рукояти. — Последний шанс. Бегите оба.

Элизабет посмотрела на бандитов, затем на Леона. Оценила разницу в весовых категориях. Четверо профессиональных рубак против истощенного аристократа и хрупкой девушки. Математика говорила не в их пользу.

— Я не бегаяю от пациентов, — повторила она и сделала быстрый выпад.

Она целилась не в горло ближайшему громиле. Она ударила ногой по масляной лампе, висевшей на углу склада. Стекло разбилось. Горящее масло выплеснулось прямо в лицо второму нападающему. Дикий вопль боли прорезал воздух порта. Человек загорелся, как факел, начав бестолково махать руками, распространяя огонь на соседей.

Паника. Хаос. Идеальная среда для работы Тени.

— Назад! — приказал Леон.

Он толкнул Элизабет себе за спину. Та послушно отскочила, тут же прижавшись спиной к кирпичной стене, готовая прикрывать тыл. Ближайший здоровяк взмахнул тяжелым клевцом, целясь в голову Леона. Обычного человека такой удар превратил бы в фарш.

Леон поймал удар на предплечье. Броня выдержала, хотя металл застонал. Свободной левой рукой Леон нанес ответный удар. Он не бил кулаком. Он ударил чистой кинетической энергией распада. Воздух перед его ладонью сгустился в черный шип. Шип вонзился бандиту в грудь. Плоть приняла удар равнодушно, но скелет не выдержал. Ребра выгнулись наружу, позвоночник треснул. Громила умер мгновенно, заливаясь черной пеной, вытекающей изо рта — признак воздействия первородной скверны.

Остальные замешкались, увидев смерть товарища от простого касания. Этого хватило. Леон шагнул им навстречу.

Он больше не сдерживал печать на груди. Боль от переломов ушла, смытая адреналином и холодной яростью. Рукоять разбитого клинка в его ладони нагрелась. Черная субстанция — эхо погибшего оружия — начала сочиться из-под кожи перчатки, окутывая руку до локтя клубящимся мраком.

— Бездна голодна, — прохрипел Леон. Его собственный голос изменился, став глубже, приобретая вибрирующий бас пещерного тролля. — Вы принесли еду.

Он бросился вперед. Это не был бой мастеров меча. Это была бойня.

Второй бандит занес топор. Леон ушел вправо, пропуская лезвие в дюйме от своего лица. Он вогнал пальцы, покрытые черной слизью, в дерево топорница. Древесина истлела за секунду, превратившись в труху. Леон схватил противника за челюсть. Большой палец лег на лоб, остальные четыре — на подбородок.

Сжатие. Раздался влажный хруст. Череп отделился от позвоночника. Но Леон не отпустил. Он держал голову мертвеца, и черная энергия струилась из его пальцев в открытые раны шеи. Душа бандита — мелкая, дрожащая, переполненная страхом и дешевым пивом — вырвалась из тела неестественно быстро. Леон не дал ей рассеяться. Втянул в себя коротким жадным вдохом.

Лед в венах немного отступил. Боль от солнечного ожога, полученная днем, притупилась.

Третий и четвертый нападающие, оставшиеся в живых, переглянулись. Огонь от первого убитого Элизабет уже лизнул стену склада. Дым начал заполнять тупик. Они увидели перед собой демона, жрущего души, и горящий ад позади. Инстинкт самосохранения победил верность контракту. Они развернулись, намереваясь прорваться через пламя.

— Стоять, — сказал Леон.

Он не повышал голоса. Но слово прозвучало как физический закон гравитации. Ноги бандитов подкосились. Невидимая тяжесть придавила их к земле, выдавливая воздух из легких. Они рухнули на колени, царапая булыжники ногтями.

Элизабет, стоявшая у стены, широко раскрытыми глазами смотрела на происходящее. Ее медицинский ум лихорадочно пытался классифицировать увиденное. Энергетическое истощение жертвы компенсируется поглощением жизненной силы окружающих? Некромантия высшей пробы? Нет, некроманты поднимают мертвых. Этот... аннулирует существование.

Леон подошел к коленопреклоненным громилам. Наклонился. Его лицо скрывал капюшон, но девушка видела профиль — острые скулы, бледную кожу и пульсирующую вену на виске. — Где ваш хозяин? — спросил Леон.

Бандиты пытались говорить, но челюсти свело судорогой. Тогда Леон коснулся лба одного из них. Черная энергия проникла в разум напрямую. Это не было деликатным чтением мыслей Элизабет. Это было изнасилование сознания. Леон выворачивал память наизнанку, игнорируя боль, сводящую жертву с ума.

Картинки вспыхнули перед внутренним взором Леона: *Запах протухшей рыбы. Белый Фарфор (без маски, лицо обычное, ничем не примечательное) передает тяжелую шкатулку старшему группы. «Откроете, когда солнце коснется мачты „Морской Девы“, — говорит заказчик. — «Внутри плата. И ключ». Шкатулка черного дерева, запечатанная серебряной проволокой.*

Леон отдернул руку. Информация добыта. Он выпрямился. Обернулся к Элизабет. В свете пожара, охватившего склад, его фигура выглядела монументально и жутко. Черная дымка все еще стекала с его рук, впитываясь в землю. Лицо было спокойным, почти отрешенным, как у мясника, разделавшего тушу.

— Они должны были открыть контейнер на закате, — глухо сказал он. — Заказчик назвал пароль. Нам нужно найти эту шкатулку раньше, чем он придет за ней.

Элизабет оттолкнулась от стены. Ее трясло. Не от страха за свою жизнь — те четверо едва обратили на нее внимание, увлеченные смертью от рук Леона. Ее трясло от соприкосновения с абсолютным злом. Она видела много жестокости в порту. Мужья, убивающие жен. Капитаны, вышвыривающие должников за борт. Но это... Эта методичная, холодная аннигиляция жизни ради получения ответов вызвала первобытный ужас.

— Ты чудовище, — прошептала она.

Леон посмотрел на свои руки. Черная слизь медленно испарялась, оставляя после себя чистую кожу. Он перевел взгляд на Элизабет. В отблесках пожара ее волосы казались золотыми, а лицо — изваянным из мрамора. И впервые за долгое время он почувствовал нечто похожее на стыд перед свидетелем. Не потому, что пытал людей. А потому, что эта девочка с сияющей душой увидела его истинное дно.

— Да, — согласился он. Голос вернулся к нормальному тембру, но звучал устало. — Но я единственное чудовище, которое стоит между твоей клиникой и тем, что носит маску из фарфора.

Где-то в глубине разрушенного склада, погребенная под балками и телами сгоревших наемников, лежала шкатулка черного дерева. Игра вступала в новую фазу. Игроки сбросили карты. На столе остались только выживание и смерть.

Леон отвернулся от Элизабет, давая ей возможность прийти в себя. Он шагнул в густую тень горящего здания, намереваясь проверить завалы. За его спиной раздался тихий всхлип, перешедший в рвотные позывы. Элизабет избавлялась от ужаса самым человеческим способом.

Леон не обернулся. Он просто продолжил идти во тьму, чувствуя, как тепло ее присутствия за спиной стремительно исчезает, уступая место привычному космическому холоду одиночества.

Глава 5. Первое свидание в парке

Ночь в Альтусе пахла мокрым камнем, остывающим пеплом и озоном. Пожар на складе удалось локализовать — городская стража сработала на удивление слаженно, оттеснив пламя от жилых кварталов ценой потери самого здания. Но для Леона запах гари был запахом провала.

После бойни в тупике он не вернулся во дворец. Приказ Императора о стирании города все еще висел над ним дамокловым мечом, но сейчас приоритеты сместились. Шкатулка черного дерева находилась где-то под завалами четырнадцатого склада. Каэль знал об этом. Его люди знали об этом. Оставлять артефакт там было равносильно передаче его прямо в руки Древесному Плачу.

Тишина методично разгребал каменные блоки своими усиленными гидравликой манипуляторами. Гомункул работал без устали, подсвечивая раскопки тусклым светом из глазных сенсоров. Леон стоял поодаль, прислонившись спиной к стволу старого вяза. Он снял тяжелую броню, оставшись лишь в плотном черном сюртуке и кожаных перчатках. Ребра все еще ныли тупой болью при каждом глубоком вдохе, но регенерация проклятых делала свое дело — трещины в костях уже начали затягиваться фиброзной тканью.

Он смотрел на свои руки. На кончиках пальцев до сих пор ощущался фантомный холод той черной слизи, которой он пытал бандитов. Элизабет видела это. Ее слова «ты чудовище» не были оскорблением. Это была констатация физического факта, такая же точная, как диагноз чахотки. Она смотрела сквозь него своим целительским зрением и увидела ту самую Бездну, которую Император так тщательно упаковывал в человеческую оболочку. И вместо того чтобы бежать в ужасе, она стояла там, пока он не ушел в тень, а потом... исчезла.

Леон полагал, что больше никогда ее не увидит. Люди склонны избегать бездн, которые смотрят в ответ.

Парк Старой Герцогини находился на возвышенности, в западной части города. Когда-то это был роскошный сад аристократии: мраморные статуи, искусственные гроты и пруды с лебедями. Теперь, после десятилетий запустения и имперских налогов, парк превратился в дикие заросли. Мрамор покрылся лишайником, фонтаны пересохли, а дорожки утонули в опавшей листве. Место идеально подходило для тех, кто хочет спрятаться от мира.

Элизабет нашла его около полуночи.

Она двигалась бесшумно, но Леон почувствовал ее приближение за двадцать шагов. Не слухом — изменением температуры воздуха. Там, где шла она, ночной холод отступал. Словно само пространство вокруг нее нехотя соглашалось быть чуть более гостеприимным.

— Ты пропустила вечерний обход пациентов, — сказал Леон, не открывая глаз. Он сидел на поваленной колонне, вытянув длинные ноги.

Элиза вышла из-за куста боярышника. На ней снова было то самое простое серое платье, поверх которого она накинула тяжелый шерстяной плащ с капюшоном. В руках — плетеная корзинка, из которой торчало горлышко глиняного кувшина. — У меня сменилась смена, — спокойно ответила она, подходя ближе. — Один пациент оказался слишком настойчивым. Пришлось менять место жительства.

Она имела в виду себя. После пожара портовые головорезы наверняка связали странную девушку-целительницу с разгромом банды Белого Фарфора. Живя в Гнилой Яме, она стала мишенью.

— Садись, — Леон кивнул на соседнюю плиту. — Если тебя ищут наемники, стоять посреди парка — плохая стратегия выживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.